№2, октябрь 1992

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

ЕСТЬ ЧТО-ТО ОБЩЕЕ МЕЖДУ НАМИ

С ПОСЛОМ БОЛГАРИИ В БЕЛАРУСИ БЕСЕДУЕТ ЛАРИСА КЛЮЧНИКОВА («АНИ»)

С апреля 1992 г. между Болгарией и Беларусью установлены дипломатические отношения в полном объеме. Генеральному консульству в Минске решением болгарского правительства придан статус посольства. Первый посол Болгарии в Беларуси Стоил Фердов профессиональный экономист, до перехода на дипломатическую работу занимал пост заместителя министра транспорта.

— Господин Фердов не сложно ли было пересесть из кресла транспортника в дипломатическое?

— Есть, конечно, трудности. Но я хочу вам сообщить, что министерство транспорта Болгарии имеет свыше семидесяти зарубежных представительств, фирм, совместных предприятий, работу которых я непосредственно курировал. Кроме того, мне пришлось быть членом советов международных транспортных организаций в Варшаве, Праге, президентом Всемирного железнодорожного союза в Париже. Так что хотя и скромный, но тем не менее опыт на ниве международной деятельности имеется.

— Если не возражаете, несколько слов о себе...

— Я принадлежу к поколению, которое формировалось после второй мировой войны. Отец умер, когда мне было пять лет, мать второй раз вышла замуж, нас, детей, было у нее шестеро. Что такое голодное и холодное детство, я в полной мере испытал на себе. В жизни свою дорогу прокладывал сам. Каждый день пешком проделывал двенадцать километров до школы. Моя жена, как и я, по образованию экономист. сын работает в фирме, дочь журналист-социолог. У меня две внучки.

— Какие духовные ценности оказали на вас наибольшее влияние в юности?

— Сейчас имена Горького и Маяковского у вас, судя по всему, не в моде. Но я должен сказать правду: я и мои сверстники зачитывались их книгами. И раз уж речь зашла о литературе, хочу сказать несколько слов о болгарско-белорусских литературных контактах. Я давно знал Нила Гилевича, а сейчас у нас установились еще более тесные, дружеские отношения. Сделанные им двести пятьдесят переводов произведений болгарских авторов — это, безусловно, уникальный вклад в духовное взаимообогащение наших народов. Я высоко ценю и творчество Максима Танка, с которым также хорошо знаком.

— Недавно прошли дни культуры Болгарии в Беларуси...

— Мы должны чаще встречаться, петь и танцевать, читать друг другу стихи... Культурный обмен — это лучший путь к доверию между народами, миру на земле. В белорусских вузах учатся наши студенты, аспиранты. В одной из минских школ с прошлого года изучают болгарский язык. Нашему просветителю Григорию Цамблаку должна быть посвящена специальная экспозиция в музее Новогрудка. Писатель и церковный деятель конца XIY — начала XY веков, Цамблак был киевским митрополитом, но центр митрополии перенес в Вильну, а своей резиденцией сделал Новогрудок. Его литературные произведения хорошо были известны в Беларуси.

— Что вы скажете о наших экономических контактах?

— В этой области у нас прекрасные возможности. Уже зарегистрировано около десяти совместных предприятий. Болгария поставляет в Беларусь электронную технику, овощи, консервы, детское питание, сигареты, вино. А у нас большим спросом пользуются наши холодильники, МАЗы, изделия машиностроительной, химической промышленности. Готовимся к открытию совместных магазинов, болгарского ресторана в Минске.

(Окончание на стр. 2)

ПРАВО НА РОЖДЕНИЕ

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ПОГИБШЕГО В ТАДЖИКИСТАНЕ КИНОРЕЖИССЕРА АРКАДИЯ РУДЕРМАНА РАССКАЗЫВАЕТ ЕГО ДРУГ И ДИРЕКТОР ФИЛЬМА

— Говорят, что в Кении живут розовые фламинго.

— А еще говорят, что они собираются вместе только один раз в году.

— Ты, Аркаша, ничего в фламинго не понимаешь.

— Конечно, Инка, особенно в розовых. И все-таки в кейптаунском порту нас ожидает наша «Жаннета».

За окнами переругивались гранатометными очередями враждующие таджикские кланы.

— Ты пойми. Этим людям: таджикам, русским, узбекам, немцам, евреям я хочу «на пальцах» сказать, что не надо убивать друг друга

— Все просто, как у кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!» Послушай, Аркаша! Материалов собрано достаточно, еще пара сьемочных дней в Душанбе и назад домой, к детям?

Морщинки собирались к глазам. В струнку вытягивались губы, каменели скулы.

— Ты понимаешь, что это первое, первое мое настоящее кино. Мне ничего не надо приукрашивать, ничего не надо монтировать, сокращать или вставлять. Я должен фиксировать на пленку и снимать. Снимать все и всех. Этих изможденных российских парней, которые спят с автоматами, нашего комполка, который уже пятый месяц ждет ежеминутно штурма части и боится сердечного приступа одновременно, этих, уже плачущих от горя людей, автоматы и гранатометы в руках у крестьян, эти сожженные дома, искалеченные зверскими пытками трупы...

— О чем фильм? О войне?

— Нет, о мире.

... Ощущения сентябрьского Душанбе расплывчаты, ирреальны. Вкус дыни на губах и мечтательная улыбка на лице: завтра приедет Юра и начнем работать. За полтора года нашей дружбы мне кажется, что понятие «работать» — самое сильное ощущение тебя как личности. Все произойдет именно так. На следующий день приедут твой друг оператор Юра Горулев и видеоинженер Володя Босых. А еще через день мы уедем на съемки в Курган-Тюбе. Как выяснится позже, мы уедем на войну, с которой вернемся живыми. Все. Кроме тебя.

Я смотрела на тебя вечерами после съемок и боялась понять это твое желание все успеть, везде побывать, все отснять. Ведь более миролюбивого человека представить себе трудно. Но уже на вторые сутки ты спокойно одевал бронежилет перед ночным обходом постов, а на третьи сутки с гордостью объяснял мне разницу между боевой машиной пехоты и бронетранспортером. Вот только на съемки ты уезжал без бронежилетов и БТРов. Все правильно. Зачем прятать тело в броню, если душа нараспашку? Зачем прятаться в боевые машины, если рядом с тобой живые люди, вооруженные, но люди, о которых и для которых ты хотел сделать свой фильм?

Стоило или не стоило? Судить Богу. Но не покидавшее тебя ощущение необходимости работы здесь, в Таджикистане, живет в нас с Юрой до сих пор.

Я по часам вспоминаю, как менялся твой взгляд. От взгляда человека из Минска до взгляда человека из Курган-Тюбе. И чем жестче, чем непредсказуемее становилась ситуация, тем больше радовался ты, поверив, что ты здесь на своем месте, снимаешь свой фильм. Ты мечтал снять фильм о ситуации в Таджикистане, о роли интеллигента в политике, о Довлате Худоназарове. Ты стал снимать фильм о нас, о себе, о сохранении человеческой души на войне, которой не должно быть.

Сегодня хочется спросить: откуда это неуемное желание познать все, пронести чужие страдания и боль через собственную душу? Честность? Да. Взгляд Художника? Да. Мера собственной ответственности? Да.

И когда собирается все это в одном человеке, рождается Личность. Режиссер АРКАДИЙ РУДЕРМАН.

Инна Мильвидская

В НОМЕРЕ:

АВАНСЦЕНА:

КОММЕНТАРИЙ В 100 СТРОК

ТИХИЙ ПУТЧ

Оказывается, у нас, в суверенной Беларуси, есть коррупция!

Это открытие, совершенное В.Кебичем на заседании Совмина 8 сентября (в печати оно фигурировало под названием «Волосы дыбом!»), стало точкой отсчета событий, которые наш буквально обалдевший от «перевернувшейся» жизни соотечественник уже не в состоянии воспринимать как определенную политическую линию. Тем более, что события эти возникают поначалу в виде привычно-корявых, скучных бюрократических документов, в которые и вникать-то не хочется — так они напоминают «старые добрые» времена.

И все-таки давайте проследим...

Итак, 8 сентября на заседании Совмина премьер заявляет, что он «спонтанно составил «меморандум» против коррупции властей...» («Советская Белоруссия», 12 сентября).

19 сентября «Советская Белоруссия» сообщает о постановлении пленума Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь.

23 сентября принимается постановление «Об образовании Департамента экономического контроля при Совете Министров РБ».

24 сентября Совмин принимает постановление «О серьезных недостатках в работе государственных и хозяйственных органов, должностных лиц по защите экономических интересов республики».

30 сентября «Советская Белоруссия» уведомляет, что «с целью обеспечения безопасности граждан Председатель Совета Министров поручил министерствам обороны, внутренних дел, КГБ организовать в ночное время совместное патрулирование в городах и населенных пунктах, на дорогах и автострадах. Планируется осуществление ряда других мероприятий».

6 октября в той же «Советской Белоруссии» под рубрикой «КГБ сообщает» дается информация об операции по пресечению «перекачки нефтепродуктов из России в Литву через Беларусь»

Что же означает по сути эта очередная кампания по борьбе с преступностью, коррупцией? Самый сжатый ответ может быть таков: усиление власти чиновничьего аппарата, грубое вмешательство государства в становление рыночной экономики, наступление государственно-бюрократической монополии, короче отказ от реформ, откат в доперестроечные времена.

С рынком и реформами правительство борется созданием новых бюрократических структур. Во всем цивилизованном мире успешно действует налоговая инспекция. У нас же, помимо Контрольной палаты, на шею налогоплательщику усаживается и новый Департамент экономического контроля. Пленум Хозяйственного суда реформирует на старый, централизованно-бюрократический лад Закон о предприятии, лишая последнее права на самостоятельные действия и полностью передавая его судьбу «уполномоченному органу» — все тому же Совмину. Вот вам и приватизация и акционирование! А вы удивляетесь, почему у нас нет частных сапожных мастерских, парикмахерских, спортивных залов, автомобильных стоянок? А чиновника куда девать? Все эти многочисленные управления, объединения и т.д.? Бюрократ горло перегрызет предпринимательской инициативе, а своего не отдаст.

Постановление от 24 сентября прямиком вводит государственную монополию в торговле спиртным, табачными изделиями (местного производства), металлом, ограничивает деятельность бирж. Но зато как мягко, как неопределенно сказано о «своих» людях: «Считать нецелесообразным участие в предпринимательской деятельности руководителей государственных объединений, предприятий и организаций». Вроде и не запрещается...

И, наконец, бряцание оружием. Патрулирование, наведение порядка вооруженными людьми... Человек с ружьем всегда был убедительным аргументом в экономической дискуссии.

Но ведь все это уже было, господа! Жили мы уже в вашем «справедливом» распределителе, под вашей бдительной охраной. И опять вы ничего другого не придумали... Что же будет? Зажавший в своем кулаке нити управления и распределения бюрократ будет еще больше жиреть и наливаться взятками. Будет процветать черный рынок, сдирая с бедного обывателя еще больше за бутылку водки и пачку сигарет. Товар с государственных предприятий все равно будет уходить «налево». И будут бесконечно стоять у премьера «волосы дыбом»...

К.В.

ЗАКОНОПРОЕКТЫ

СКОЛЬКО БУДЕТ СТОИТЬ АРМИЯ

На 10-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь, открывающейся 20 октября, предстоит рассмотреть блок военных проблем.

Судьба законопроектов будет зависеть от военного бюджета республики. На октябрьском заседании Совета Безопасности глава правительства заявил, что не допустит, чтобы военные получили более 12% национального бюджета. Предполагается, что примерно треть военных расходов уйдет на зарплату. В России военнослужащие получают в 1,5-2 раза, а на Украине — в 1,8 раза больше, чем в Беларуси. Но в белорусском военном ведомстве введена тарифная сетка, точкой отсчета которой являются 1050 рублей — минимальная зарплата. Так, у министра обороны оклад составляет 9,8 минимальных. С учетом оплаты за звание — 1000 рублей, оклад министра составляет примерно 12 тыс.рублей. Генералы получают от 8 до 9 тыс., а полковники — от 4,08 до 7,3 тыс.рублей, в зависимости от занимаемой должности. Отчасти, видимо, поэтому из 40 тысяч офицеров и прапорщиков, уроженцев Беларуси, 31 тысяча рапорты о горячем стремлении вернуться на родину не пишет. А из 9 тысяч желающих вернуться военнослужащих для 3 тысяч должностей в республиканской армии нет и не будет. Это, в основном, специалисты ПВО и бывшие политработники. По данным МО РБ, приток военнослужащих, чья биография не связана с Беларусью, в армию прекращен.

Военная доктрина, рассмотренная на Совете Безопасности, предусматривает оборонительный, безблоковый и нейтральный статус белорусского государства. Численность вооруженных сил не будет превышать 1% населения республики. Аппарат министерства обороны насчитывает 850 человек. Эта цифра должна уменьшиться к концу 1992 г. на 10%. Предстоит и сокращение 161 воинской части. В военных и политических кругах считают, что в ближайшее время Беларуси придется уточнить понятие «нейтралитет». Об этом заявил и генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер, собирающийся посетить Минск в ноябре. По его словам, это будет одним из условий интеграции Республики Беларусь в Европейское сообщество. Австрия и Швеция после ликвидации Варшавского Договора, уже пересматривают свою роль в политико-экономических реалиях сегодняшней Европы. В белорусские вооруженные силы будут входить все виды и роды войск, за исключением военно-морских, ракетных войск стратегического назначения и дальней бомбардировочной авиации. Согласно подписанным в Москве межправительственным соглашениям, российские стратегические силы будут выведены из Беларуси в течении семи лет. Эти соглашения подлежат еще ратификации белорусским парламентом. Станислав Шушкевич неоднократно отмечал, что срок вывода стратегических сил в Россию, скорее всего, будет сокращен до 3-4 лет. Требования же оппозиции о денонсации соглашений бывшего СССР с Германией, касающихся вывода войск в Беларусь, по мнению председателя парламента, может осложнить отношения с немцами. Не дождавшись, из-за каникул Верховного Совета, ратификации Договора о сокращении обычных вооружений в Европе, Президиум ВС взял обязательства по его выполнению на себя. Западные военные инспекторы приступили к регулярным проверкам. Замечаний пока нет.

По мнению ряда экспертов, Беларуси выгоднее было бы продавать вооружение, а не уничтожать. Правда, ряд видов подлежит по международным соглашениям именно уничтожению (утилизации). Но продавать республика не может, так как отсутствует законодательная база. Это тоже цена парламентских каникул, длившихся полгода. Ссылки на работу комиссий не всегда оправданы. Законы принимает только Верховный Совет.

При утверждении расходов на оборону в 1992 году было выделено 8 млрд.рублей. Сколько составили реальные затраты, станет известно лишь в конце года. Следует отметить, что бывший Белорусский военный округ, как база будущей армии, лишился ряда структур. Приказало долго жить не только Главное политическое управление, у вооруженных сил республики нет разведки. Подразделения бывшей советской военной разведки в Беларуси перешли в подчинение Комитета госбезопасности. Зато в Министерстве обороны республики есть Центр военных исследований со штатом в восемь человек.

По приблизительным оценкам, военный бюджет на 1993 год может составить 50 млрд. рублей. Окончательную цифру утвердит очередная 10-я сессия Верховного Совета.

Роман Яковлевский

ЕСТЬ ЧТО-ТО ОБЩЕЕ МЕЖДУ НАМИ

(Окончание. Начало на стр. 1)

— Беларусь в составе Союза была членом Варшавского договора. После провозглашения независимости определила свой внешнеполитический курс как нейтральный, безъядерный. Какова в этом плане сегодняшняя позиция Болгарии?

— Болгария, как и Беларусь, стремится быть нейтральной. Она является неядерной страной и может быть одним из гарантов спокойствия в Европе. Но абсолютного нейтралитета не бывает. Мы зависим от многого... Как и в Беларуси, у нас ощущается нехватка угля, металла, энергии, разных видов сырья. Мы торгуем, покупаем, и это оказывает влияние и на экономику и на внешнюю политику страны. Мы ощущаем негативное воздействие идущей буквально у наших границ войны на Балканах. Наше правительство проводит политику невмешательства в югославские дела. Оно заявило о невозможности использования болгарской территории для разрешения конфликта в Югославии. Не знаю, надо ли говорить на достаточно известную тему — болгаро-русских духовных, исторических связях? У нас всегда будут помнить о том, что сделала Россия для Болгарии и в 70-е годы XIX века и во время борьбы с фашистской чумой. Понятие «Россия» всегда для нас включало в себя все славянские народы и царской империи и развалившегося Союза. Но это не означает, что мы не видим и не ценим национального своеобразия украинцев, белорусов, русских, не понимаем их стремления к строительству собственной государственности.

— Что в ближайших планах вашего посольства?

— Мы работаем над проектом межгосударственного договора между нашими странами. Первый вариант уже готов. Белорусская сторона выразила желание подготовить соглашение о взаимной защите инвестиций и непримenении двойного налогообложения. Готовится подписание консульской конвенции. Видимо, в конце этого года состоится болгаро-белорусская встреча на высшем уровне, во время которой и будет подписан межгосударственный договор.

ЛЕОНИД ЗЛОТНИКОВ, экономический обозреватель «ЕВ»

НА ВТОРОЙ КРУГ?

Летом из директорского корпуса доходили слухи, что скоро все станет на свои места: Гайдара сменят, а Ельцин будет лишь штамповать политику нового, не спешащего к рынку, правительства.

Но не дождавшись перемен в Москве, правительство Беларуси на заседании Президиума Совмина 8 сентября объявило о «новом» курсе. Как было сказано в докладе председателя Госэкономплана С.Линга, уповария на то, что рынок отрегулирует все, не подтвердились практикой. Он самокритично признал, что правительство забыло о регулирующей роли государства, в то время как процветающие страны, имеющие рыночную экономику, от функций регулирования не отказываются. Убедившись, что рынок ни к чему хорошему не привел, участники заседания «предпочли государственное планирование рыночному переделу». Вячеслав Кебич уже далеко не в первый раз потребовал от ВС новых законов, которые сняли бы ограничения на вмешательство в дела предприятий и позволили бы правительству принять ряд жестких мер для стабилизации обстановки в республике (Интересно, заинтересуется ли парламент на этот раз, почему ранее выдававшиеся Кебичу чрезвычайные полномочия оказались бесполезными?).

По сути правительство отказалось от проведения рыночных реформ и возвращается к командной системе. Ничего неожиданного в этом нет, но все-таки поразительно объяснение причин этого отката. На деле рынок затронул лишь узкую часть экономики. Биржи, коммерческие банки и другие рыночные институты — это пока лишь опереточные декорации системы, которая на 95% осталась, по существу, командной. Не было выполнено даже самое первое условие перехода к рынку — либерализация цен. Цены в госторговле, например, до сих пор оставались в 1,5–2 раза ниже коммерческих. Рынки земли, рабочей силы, ценных бумаг и т.д. или отсутствуют, или находятся пока в эмбриональном состоянии. Коррупция и спекуляция были вызваны скорее неразвитостью рыночных отношений и, несомненно, сильным государственным вмешательством в экономику. Сколько преступлений отпало бы само собой, если бы цены регулировались только рынком и, не было двойной системы цен! Приватизация, будь она проведена, исключила бы «прихватизацию». Спад производства и рост цен были вызваны большей частью не рынком, а издыханием отживщей системы, неспособной даже оживить проставающие скважины и схватить глоток нефтедолларов.

В общем, до рынка еще далеко. А пока, чтобы попугать народ, беспредел коррумпированных чиновников выдают за беспредел рынка. Нужно ведь какое-то объяснение возврату к старой системе. Господствующая сегодня коммунистическая элита республики никогда к рынку не стремилась. Рынок чужд ее менталитету. Под давлением обстоятельств на последнем съезде КПБ она проголосовала за переход к рынку, но на базе общественной (!) собственности. Эти «сапоги всмятку» были названы «белорусским вариантом» перехода.

Тогда же номенклатура нашла и способ спасения централизованного управления в республике в условиях распада управленческих структур СССР. По инициативе правительства Беларуси началось заключение межправительственных соглашений. Казахстан, к примеру, продавал нам зерно, а Беларусь — трактора, холодильники. При этом президенты и премьеры торговались как заправские фирмачи. Но меж-республиканский рынок президентов исключает рынок предприятий, предпринимателей. Последним остается лишь выполнять спущенные сверху заказы на поставки по утвержденным правительствами ценам. Таким образом, правительство контролирует распределение важнейших ресурсов (около 200 наименований).

Никогда наше правительство не признавало системных причин кризиса. Всегда трудности объяснялись чем-то поверхностным и преходящим (от происков демократов и отсутствия дисциплины до разрыва хозяйственных связей, отсутствия оборотных средств, кризиса сбыта...). Никогда правительство не отказывалось от централизованного планирования. Дискредитация директивного планирования объяснялась идеологическим давлением: политики, мол, требовали от плановиков больше, чем они могли предложить. До сих пор в принятой ВС «Программе перехода Белорусской ССР к рыночной экономике» записано, что план должен «... устанавливать директивные задания и экономические условия деятельности предприятий». Так что начатое отступление назад можно объяснять выполнением «Программы перехода...»

Каким образом номенклатура представляла себе сочетание плана и рынка, можно видеть из высказывания Кебича на Президиуме Совмина еще тогда, когда он только стал премьером: «Совет Министров внес предложение ввести республиканский госзаказ, который бы позволил насытить рынок Беларуси» («7 дней», N 34, 1990). Итак, госзаказ для поставок на рынок (читатель, вдумайся в смысл!) в 1992 г. составил, например, почти 100% в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Не лучше и положение в легкой промышленности, ряде других отраслей.

Никогда не прекращалась идеологическая обработка населения, которому говорили, что «у них» планируют и регулируют больше нашего. Возможно, что номенклатура искренне убеждена в этом (каждый видит, что хочет видеть). Сошлюсь лишь на выводы компетентных специалистов из Института мировой экономики и международных отношений России, занимающихся исследованием современного капитализма. Они утверждают, что надежды на решение больных вопросов экономики с помощью государственного регулирования, появившиеся в 60-х годах, не оправдались. «Было осознано, что согласование экономических интересов сторон, имеющих разные цели, на современном этапе развития производительных сил, равно как и в предвидимом будущем, достигается жесткой конкурентной борьбой на стоимостной основе» (Современный капитализм. М., «Наука», 1989, стр.87).

Возврат к планированию и администрированию — это не вынужденное отступление от реформ перед страхом экономической катастрофы и социальных потрясений. Напротив, это — возврат к привычным и понятным методам управления от вынужденной игры в рынок. И то, что в нашей республике правительство одним из первых открыто отбрасывает маски, видимо, не случайно. Потому что население республики, если верить социологическим обследованиям в странах СНГ, наименее всего воспринимает ценности либерализма. Так что действия правительства соответствуют требованиям масс навести порядок, покончить со спекуляцией, коррупцией, остановить падение уровня жизни и рост неравенства в доходах. Тем более, что причины этих негативных явлений многие, под влиянием непрерывной пропаганды, видят в рынке.

В этом месте неискушенный читатель может спросить, а чем, собственно, плох возврат к жестким мерам, планированию, регулированию цен и т.д.? Коротко я бы ответил, что нет в принципе того планирования, которое смогло бы заменить рынок как регулятор пропорций производства и инструмент оценки общественных результатов труда. Другими словами, не к чему возвращаться. На эту тему написаны горы книг. Могу сослаться и на личный опыт. В 1967 г. нас, студентов старшего курса экономического факультета МГУ, привлекли для обследования отделов Госплана СССР. Полгода я просидел в отделе труда и заработной платы, изучая, как формируются показатели плана (чтобы расчеты передать потом на ЭВМ). Для себя выяснил, что суть расчетов — это подгонка либо под интуицию эксперта, либо под контрольные цифры и дутые показатели, закладывавшиеся в план. Потом я набирался практического опыта планирования, работая после учебы в экономическом институте Госплана БССР, заведуя отделом перспективного планирования в отраслевом институте, занимаясь проблемами прогнозирования развития республики в Институте экономики АН БССР. Зная методологию и кухню планирования, могу утверждать, что директивное планирование — это первопричина анархии и разложения экономики. Вот как, например, разрабатывалась комплексная программа НТП, т.е. документ, откуда, собственно, и начинались контрольные цифры. Мы отправляли исполнителям (я курировал разработку прогноза по строительному комплексу) кучу пустых таблиц с требованием указать, сколько, к примеру, будет в отрасли экскаваторов с объемом ковша 0,4 куб.м в 2005 году, или какой объем нормативно-чистой продукции или производительность труда будут в 2010 году. В разных институтах и организациях эти таблицы заполняли, писали, сколько у них, к примеру, будет роботов через 15 лет и т.д. Потом все эти никак не взаимоувязанные данные собирались, сбивались в тома и отгружались прежде всего в ЦК КПБ. Исполнители, работающие не первый год в плановой системе, быстро выполняли работу, заполняли таблицы, глядя в потолок и придавая своим отчетам наукообразный вид. Но попадались новички или дураки. Те добирались до кураторов и просили объяснить, как рассчитать тот или иной показатель. Прогнозные показатели выходили, естественно, радужными и тут же лопались. В очередной разработке опять рисовали красивую картинку и т.д.

Не лучше положение дел и при разработке других плановых документов. Ни ранее, ни теперь не было и нет системной увязки показателей прогнозов и планов. Строители рисовали, сколько они будут строить, не заботясь, будут ли металл и энергия. Энергетики рисовали, сколько они введут мощностей, не заботясь, хватит ли на это ресурсов и т.д. В общем, в хозяйстве все взаимозависимо, а у плановиков — нет. У них нет таких моделей и процедур, чтобы взаимозависимости эти улавливать. Каждый отдел Госэкономплана решает свою задачу. Удивительно, но факт, там до сих пор нет даже общего банка данных, чтобы отделы могли быстро обмениваться данными.

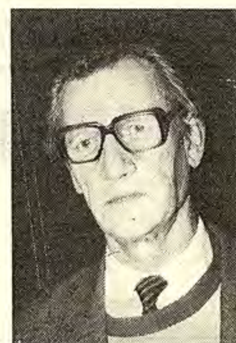
Не спешите, читатель, снять этих плановиков и посадить новых, вооружив их ЭВМ. От этого мало что изменится. Трагедия большевиков заключается в том, что они взялись за неразрешимую задачу. Избегая гримас рынка, они решили организовать народное хозяйство как одну фабрику. Но не учли лишь сложность управления из одного центра. Сложность директивного планирования и управления не меньше, чем сложность восстановления живого дерева из золы, пара и газов, образовавшихся после его сожжения.

Понадобилось 70 лет, чтобы большевики разбили себе лоб об эту сложность. Еще не опомнившись, они делают второй заход, на который на этот раз понадобится небольшое время. Так бабочки идут на фонарь, пока не обгорят.

Известный философ, писатель А.Зиновьев сделал вывод, что коммунизм созвучен коллективной душе славян, что они ни к какому рынку не пойдут, а вернутся к своему коммунизму. Если это так, то возможно, что второй поворот к коммунистическим идеям не будет последним. Возможно прав был Н.А.Бердяев, когда утверждал: «Излечение может наступить лишь после страшного кризиса, когда весь организм русского народа будет близок к смерти».

ВАЛЕНТИН АКУЛОВ, доктор философских наук, профессор

КАМО ГРЯДЕШИ?

Итак, канул в Лету первый год новой, «посткоммунистической эры». Почил в бозе, хлопнув на прощание тюремной дверью, обрыдший всем центр. Некогда всесильная КПСС усажена на скамью подсудимых. Республики обрели вожделенную независимость. Тусуется, кучкуется, множась со скоростью болезнетворных бактерий, плюрализм, радуя глаз причудливостью форм и богатством политической раскраски. Власти предержащие гласно поносят друг друга. Подданные столь же гласно, нимало не смущаясь поносят своих президентов, премьеров и вице-премьеров, посылая их в ближнее и дальнее зарубежье. Казалось бы, бей в литавры и труби в фанфары — вот она, долгожданная свобода! Но ни в литавры бить, ни в фанфары трубить почему-то не хочется. Привязался, преследует, не дает покоя ставший уже классикой афоризм незабвенного турецко-подданого: «Сбылась мечта идиота!»

Да и как может быть иначе? Производство катастрофически падает. Цены берут такие высоты, в сравнении с которыми все прославленные рекорды Сергея Бубки — не более чем потуги какого-нибудь жалкого кузнечика. Бедность, перешагнув, кажется, уже все мыслимые и немыслимые «черты», продолжает, как ни в чем не бывало, шагать дальше. Очаги межнациональных пожаров иррадиируют по бывшему СССР, вспыхивая то тут, то там, грозя превратить «единое экономическое пространство» в единый всепожирающий костер. Миллионы беженцев неприкаянно бродят по необъятным просторам бывшей своей родины, не ведая, где удастся преклонить осиротевшую головушку.

Так чему же радоваться? Динамике роста предпринимателей или динамике роста нищих и обездоленных? Прорастающему организованному бизнесу или процветающей организованной преступности? Да и кто может сказать сегодня, где у нас кончается предпринимательство и начинается преступление, и наоборот? Где тот новый Архимед, который мог бы определить процентное соотношение бизнеса и криминала в нашей базарной экономике?

Все смешалось в доме под нелепым названием СНГ.

Так что же — объявить эксперимент не состоявшимся и вновь погрузиться в брежневскую нирвану? К этому и зовут оказавшиеся не у дел донкихоты социалистической идеи, предлагая признать, что сия матрона — самая добродетельная дама на свете. Вольно или невольно, но в ту же дуду дуют и некоторые интеллектуалы: куда, дескать, нашему народу с его советским рылом да в цивилизованный ряд. Совок, он и есть совок, и социалистический шесток — Богом отведенное ему место. За время господства тоталитарного режима в обществе произошли такие необратимые изменения, которые сделали его хронически неспособным к переходу в нормальное состояние. Кое-кто при сей оказии вспомнил даже Моисея, сорок лет водившего евреев по Аравийской пустыне...

Я затрудняюсь сказать, чего тут больше — обычной интеллигентской фанаберии или искреннего заблуждения, основанного на привычке судить о народе по первому встречному пьянице или случайным соседям по лестничной клетке. Как бы то ни было, дело, к счастью, обстоит не столь безнадежно. Очнувшись от летаргического сна, в котором оно пребывало, будучи придавлено партийно-командным диктатом, общество обрело инерцию движения, и процессы начали развиваться по собственной, внутренней логике. Никакая сила — ни черная, ни светлая, ни красная, ни любой политической расцветки — уже не может прервать это поступательное движение. Вопрос, таким образом, заключается сегодня не в том, куда идти — вперед или назад. Он снят самой историей. Вопрос в другом: как идти? И если прошедший год не оправдал розовых надежд, которые на него возлагались, то причина тут не столько в состоянии общества, сколько в несостоятельности властей.

Послушать наших правителей — во всем повинна старая номенклатура, которая, сохранив позиции в государственных структурах и в экономике, вяжет реформаторов по рукам и ногам. Не будь этой Богом и демократами проклятой номенклатуры — все обстояло бы по-другому.

Полно, а был ли мальчик? В самом ли деле существует у нас демократия как серьезная политическая сила? Увы, наша демократия пока в пеленках. А те, кто клянется ныне ее именем, — большевики самых что ни на есть чистейших кровей, какие бы проклятья они не слали в адрес коммунистической номенклатуры. Та же неистребимая страсть встать выше жизненных реалий. То же прожектерство, принимаемое за провидческий дар. Та же фанатичная вера в свое мессианское предназначение. То же барско-пренебрежительное отношение к народу, в котором они видят не хозяина, призвавшего их на службу, а собственную челядь, которую они призваны облагодетельствовать. Даже «образ врага» — эта Deus ex machina большевизма — и тот «приватизирован» и взят на вооружение.

Блудливо шаря глазами по сторонам в поисках виновника нынешней катастрофы, наши «демократы» предпочитают замалчивать основную причину: волюнтаристский развал СССР, совершенный с их подачи и при их самом активном участии. Нет, я не «союзник» — Бог миловал от такой глупости. СССР был генетически обречен. И в тот самый час, когда была поставлена под сомнение марксистская идеологическая доктрина, для всякого думающего человека стало ясно: СССР — не жилец на этом свете, и дни его сочтены. Отвергая идею Бога, глупо было бы пытаться сохранить Церковь. А СССР и был церковью божественного учения Маркса-Ленина.

Но что такое СНГ? Политический ублюдок, явившийся результатом коллективного изнасилования страны всей президентской ратью. Зачатый столь извращенным политическим способом, он не может быть ни жизнеспособным, ни дееспособным. И время, прошедшее после того, как все мы вдруг в одночасье стали «независимыми», обнаружило это со всей очевидностью.

Как бы ни был уродлив СССР как политическое образование — это был единый живой организм. И любой серьезный политик должен был с этим считаться. Не посчитались. Там, где требовалась высококлассная рука хирурга, по-дилетантски, в чисто большевистском стиле рубанули топором. В итоге получили то, что получили, что не могли не получить: окончательный развал экономики, национальное и социальное озверение, правовой беспредел и полный паралич власти.

Боюсь, что суверенные наши «касики» все еще не осознали до конца, что произошло в Беловежской пуще и в Алма-Ате.

Любая власть представительна, а следовательно, ограничена теми правами и полномочиями, которые делегирует ей народ. С правовой точки зрения упразднение СССР и образование СНГ — акт чистейшего произвола. И благословение, полученное от республиканских парламентов, решительно ничего по существу не меняет: решать судьбу государства — таких полномочий никакая власть не имеет и в принципе иметь не может. Это прерогатива только самого народа. Ибо он и только он один является на своей территории абсолютно суверенным субъектом права. Превысив свои полномочия, президенты и парламенты фактически узурпировали право народа. Тем самым они поставили себя вне закона. Мы оказались, таким образом, в ситуации, когда не только СНГ не легитимен, не легитимны все без исключения государственные структуры власти. Думаю, что интуитивно власть это чувствует. Иначе трудно объяснить, откуда эта нерешительность, бессилие. Не боязнь ли, что народ взыщет? А то, что взыщет, — в том не может быть никакого сомнения. И сами правители делают, кажется, все возможное, чтобы приблизить этот час.

Экономика бывшего СССР — это механизм. Худой ли он был или хороший — другой вопрос. Думать, что его детали способны работать в автономном режиме, — ребячество. Но разве не с ребяческой беззаботностью суверенные наши правители разрушили «единое экономическое пространство», в верности которому клялись. В результате не осталось ничего другого, как устроить игру в фантики, которые они со свойственным волюнтаристам всех мастей экономическим романтизмом назвали национальными валютами

Пока не будет в той или иной форме восстановлено «единое экономическое пространство», никакой стабилизации экономики в республиках бывшего союза не произойдет, а, следовательно, и реформы по-настоящему не пойдут. И никакие западные инъекции не помогут. В лучшем (разумеется, если в лучшем) случае они в состоянии будут продлить агонию нынешних властей.

Социальные последствия этого нетрудно предвидеть.

Судя по решениям, принятым на последней встрече в Бишкеке, осознание этого, наконец, приходит. Но опять же, не успев создать некоторые межгосударственные координационные структуры, тут же поспешили заявить, что их решения будут иметь исключительно рекомендательный характер. Не государственные мужи, а красны девицы: и хочется, и колется, и мамка (то бишь оппозиция) не велит. Лишиться суверенной невинности — как можно? При этом не хотят (или не могут) уразуметь, что суверенитет только на уровне принятия решений — это еще не суверенитет, что такой суверенитет мало что стоит. Настоящий суверенитет начинается там, где он опирается на прочный фундамент, прежде всего, экономический. Ничего подобного в республиках пока нет и в ближайшее время не предвидится. Нежелание в этих условиях поступиться хотя бы только толикой властных полномочий для собственного же блага приведет к результату, прямо противоположному тому, который хотят: откроет реальную перспективу сделать суверенитет бутафорским. Но что же прикажете делать, ежели нашим «мужам смысленым» более по сердцу внешняя бижутерия, нежели существо дела?

Не меньше дилетантизма и легкомыслия, граничащего с преступлением, было проявлено (и продолжает проявляться) в такой деликатнейшей сфере, как национальные отношения. Ни для кого не является секретом, что наши республиканские границы всегда носили чисто условный, чисто административный характер. Кроили и перекраивали их устроители «нового мира», решительно не считаясь ни с чем — ни с этнографией, ни с историей, ни с «правом наций на самоопределение». Да и что за нужда — нации не сегодня-завтра отомрут, само государство как общественный институт дышит на ладан. Немалую роль играл тут и старый римский принцип: разделяй и властвуй. В процессе суверенизации республик десятки миллионов людей оказались оторванными от исторической своей родины, в собственном своем доме стали мигрантами.

Не считаться с этим не мог позволить себе ни один серьезный политик. Но где вы видели у нас серьезных политиков? Богу, чтобы сотворить мироздание, потребовалось шесть дней. Нашим политикам для сотворения собственных государств и того не потребовалось: вкопали пограничные столбы, поделили подданных на «коренных» и «некоренных», объявили всех инородцев «национальными меньшинствами» и сказали: «хорошо весьма». Carpe diem!

Да в том-то и дело, что «нехорошо». Только люди, склонные принимать фантомы, порожденные больной националистической фантазией за реальность, могут питать иллюзию, что народ будет безропотно взирать на их «миротворчество». Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Абхазия — все это только отдаленные пока громы той поистине вселенской грозы, которую мы «приближали, как могли». Уже всерьез заговорили о «федерализации» Украины, требуют своей государственности русины и полешуки, организуется казачество. Но какое дело до всего этого нашим отечественным бисмаркам — у каждого из них свой «план построения капитализма в одной, отдельно взятой стране», ничем не уступающий по своему внутреннему достоинству аналогичному ленинскому плану построения социализма.

Ну а что «цивилизованное общество»? А оно ищет свою долю в том наследстве, которое оставили большевики. Делается это с ловкостью фокусника-профессионала: из рукава поочередно извлекается то принцип нерушимости границ, то право наций на самоопределение. В зависимости от обстоятельств. Не ошибитесь бы, господа! Бывший СССР — это не бывшая Югославия. Да и не всегда вы будете иметь таких «приятных во всех отношениях» партнеров, как расточающий сахарные улыбки г. Андрей Козырев.

Quo vadis?

ВЫБОР

ЗДИСЛАВ СКРОК, польский публицист

БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕМОН НАЦИОНАЛИЗМА

Написанная два года назад статья Здислава Скрока нынче не утратила ни грана своей актуальности. Точно расставлены в ней исторические акценты, более того — предсказана судьба процессов либерализации в СССР, когда «мешанина из коммунистического тоталитаризма и интернационализма может стать гремучей и взорваться, достигнув критической массы...» Впрочем, эта тема отдельной статьи польского публициста, которую мы надеемся напечатать в ближайшем будущем.

* * *

Призрак бродит по Восточной Европе, призрак национализма.

Столько замечательных событий произошло за последнее время в этом регионе земного шара, столько вдохновляющих и обнадеживающих перемен, и вдруг национализм — явление безобразное, низменное, позорное. Факт поразительный, если вспомнить, что, как нас уверяли, национализм в странах народной демократии умер, что в них восторжествовали идеи пролетарского интернационализма, идеалы международной солидарности трудящихся, утвердилось братство народов. Во всяком случае, об этом твердили еще совсем недавно коммунистические идеологи и послушные им историки и публицисты. В новейшем издании энциклопедии PWN, в статье, озаглавленной «Национализм», читаем: «общественно-политическая позиция, подчиняющая интересы других народов интересам собственного народа (или расы). Противоположностью национализма являются пролетарский интернационализм и патриотизм. Национализм — мещанская, буржуазная идеология... Марксизм-ленинизм, вскрывая экономические и общественные истоки национализма, обнажая его классовую суть, показывает, что социалистический строй создает предпосылки для изживания любых проявлений национализма и обеспечивает гармоничное сочетание патриотического труда во благо собственного народа с интернациональными задачами классовой борьбы трудящихся за свободу и равенство всех народов...» Таким образом, получается, что национализм должен пожирать и разобщать буржуазное общество, мы же можем наслаждаться сборной солянкой братства народов. Мы ведь боролись с национализмом с воодушевлением и весьма успешно. В нашей стране с ним было покончено еще в самом начале социалистического пути, еще тогда мы разгромили националистический уклон в партии.

У нашего восточного соседа и «наставника» к национализму относились еще более непримиримо и раздавили его беспощадно. «Краткий философский словарь», изданный в Польше в 1955 году, замечал по этому поводу: «В духовной области народной жизни пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи, чем в любой другой... проявляются они в различных формах: в идеализации в науке и литературе реакционных националистических течений прошлого, в камуфлировании их в «передовые» и «прогрессивные», в недооценке дружбы народов как основы могущества Советского Союза. Националистические пережитки, если с ними решительно не бороться, могут быть использованы иностранной разведкой при вербовке вредителей, диверсантов, шпионов всех мастей, ведущих подрывную работу против советского государства. Поэтому постоянная революционная бдительность и политическое чутье должны быть присущи всем советским людям...»

Явленная нам ныне история СССР показывает, что таких вредителей, шпионов и диверсантов, зараженных национализмом, было сотни тысяч, и кости их гниют в бесчисленных братских могилах, в которые уложила их рука революционного правосудия. Но, увы, бдительность и старания нескольких поколений функционеров политического сыска пропали даром. Национализм и шовинизм расцветают в СССР пышным цветом, угрожают перестройке и реформам. У западных же «буржуев» на сей счет все в порядке, об этом там даже не говорят, напротив, речь идет о сносе государственных границ, о свободном перемещении людей, о строительстве общего «европейского дома». Не подтверждается ли еще совсем недавно рискованный в нашем обществе тезис, что идеологи коммунизма тоже могут ошибаться?

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ НАЦИОНАЛИЗМ?

Но шутки в сторону. Национализм, точно так же, как все прочие реалии этого мира, невозможно изжить с помощью словесных заклинаний, даже если бы эти заклинания превратились в некую обязательную религию. Национализм существовал и тогда, когда народные демократии чувствовали себя неплохо и могли диктовать обществу свои условия. Только существовал он в ту пору в подполье, вычеркнутый из официальной жизни, клокотал под ее поверхностью, давая знать о себе в периоды социальных потрясений, становясь во время этих потрясений орудием политической борьбы, картой в политических играх — например, в 1968 году. Ныне время потаенности кончилось, призраки и демоны выходят из мрака на дневной свет, заявляя о своем существовании.

Однако национализм нельзя упрощать, нельзя считать его всего лишь грязным пятном на фоне перемен, происходящих в Восточной Европе, всего лишь заблуждением, помрачением ума, ослеплением. Он нечто большее и корни его глубже, это очень серьезное явление, отражающее процессы, которые происходят в психологии народа, в культуре и политике. Для того, чтобы это понять, необходимо обратиться к истории возникновения и развития современных европейских народов, народов всего мира, необходимо вернуться к началу XIX столетия и даже дальше. На эту тему написано немало обширных исследований, мы же остановимся на взглядах трех авторов, изучавших данный вопрос и принадлежащих к разным поколениям, направлениям и традициям. Польский историк Марцелий Хандельсман в опубликованном в 1923 году труде «Развитие современных народов на европейском западе» пишет, что национализм возник в итоге «омассовления» национальной идеи, ее демократизации и «материализации», в итоге осознания общей судьбы «низов» городского мещанства, крестьян и ремесленников, что не наблюдалось вплоть до XYIII столетия. Раньше национальную идею в нынешнем нашем ее понимании заменяла идея государства. Но это было государство, которое выражало интересы небольшой группы лиц, принадлежащих к высшим слоям, и управлялось ими без учета интересов всего народа. «Народ, — пишет Хандельсман, — с момента осознания своего положения и своей силы начинает чувствовать свою «несвободу» и поднимается на борьбу с привилегиями и неволей. Добивается, чтобы государством овладело крестьянство, содействуя при этом большим или меньшим выгодам мещанских городских слоев. Однако с изменением характера государства, которое гораздо старше крестьянина и мещанина как «политических животных», возрастает и стремление последних к власти. Это происходит постепенно, процесс охватывает все государство со всеми его историческими напластованиями, с его внутренними и внешними проблемами, с его культурой и понятием патриотизма. То, что когда-то принадлежало одному слою или даже небольшой группке, становится достоянием всего общества. Понятие «народ», идентичное понятию «государство», начинает отождествляться с понятием «нация», понятие это проникает во все слои общества, и прежде всего в те, которые, по сути, народом не были. Крестьянский народ становится новопреемником старой культуры, хотя и видоизменившейся, раздавшейся вширь, однако обремененной памятью прошлого».

Это проникновение национальной идеи в массы не происходит без качественных изменений. Национальная идея перестает быть феноменом сугубо мыслительным, выражением личностных позиций и мотиваций. Наступает ее материализация и конкретизация, она становится орудием, которое используется для достижения практических целей. «Народное движение превращается в националистическое: масса берет верх над

Франсиско Гойя. Из серии «Капричос».

личностью, интерес массы, обусловленный сиюминутными потребностями, приобретает форму соборного сознания. Первенство личности с ее идеями отходит на задний план, вперед выходит толпа: борьба становится исключительно жестокой, что не мешает возвеличивать ее как высшее духовное проявление соборности. Чувство солидарности с другими народами превращается в нечто, способствующее преимуществу одного народа над другим...»

Философ и историк национальной идеи Исаак Берлин в своей работе «Национализм» (1979 г.) прослеживает истоки европейского национализма, понимаемого как состояние умов, предстающего как политическая доктрина и инструмент для манипулирования соборным сознанием. «В национализме, — пишет Берлин, — я вижу опасную идеологию, а именно убеждение, что, во-первых, человек принадлежит к определенной обособленной группе, отличающейся от всех прочих образом жизни; что личностные особенности людей, образующих группу, могут быть поняты только в общем групповом контексте, обусловленном общностью территории, обычаев, верований, прав, соборной памятью, в контексте художественной и религиозной экспрессии, общественных институтов и стилей жизни, к чему некоторые присоединяют наследственность, единство крови и расовые особенности; что именно все это и определяет личность человека, ее достоинства и цели.

Во-вторых: механизм общественной жизни схож с биологическим механизмом, с устройством организма... из этого следует, что не личность и не самостоятельные решения и суждения, которые, пользуясь свободой выбора, можно изменить или нарушить, а лишь народ представляет собой целостность, в рамках которой со всей полнотой проявляется человеческая натура...

В-третьих, такая точка зрения неразрывно связана с убеждением (и убеждение это считается самым убедительным, самым сильным аргументом), что наши взгляды, наши верования, наши поступки и наш образ жизни, наши способы достижения цели верны и правильны и не подлежат сомнению потому, что они н а ш и. Это равносильно утверждению, что все эти ценности, доктрины и действия следует принимать не потому, что они ведут к счастью, справедливости или свободе, не потому, что определены Богом, — костел, суверенность, парламент или другие общественные авторитеты значимы не потому, что они сами по себе хороши и неоспоримы, что из самих себя черпают свою силу, что сплачивают людей в данной ситуации — их нужно принимать, если они являются ценностями моей группы. Для националиста — моего народа».

Причиной зарождения национализма, по Берлину, является прежде всего удар, нанесенный соборному чувству общества, ощущение глубокой душевной раны, которую, например, получили немцы во время наполеоновских войн, а потом — после Версальского мира. Однако чувство обиды не единственное условие, необходимое для рождения национализма, а всего лишь предпосылка. Тысячелетиями одни народы побеждали и угнетали своих соседей, но это не приводило к национализму. Необходимо еще одно условие: осознание обиды и программа избавления от нее, новое устройство общественной жизни, новые бытийные установки, формулируемые обычно интеллигенцией, политиками, писателями и журналистами, необходима также заинтересованность общества в предлагаемой программе. Но все это стало возможным, когда, в результате индустриализации, которая ознаменовала XIX век, огромные массы крестьянства, массы деревенского люда, жившего доселе в узких рамках традиционного патриархального уклада, оказались исторгнутыми из своих родных деревушек и превратились в городской пролетариат и мелкое мещанство. Находясь в состоянии психологического стресса, охваченные чувством потерянности, но наряду с этим овладев грамотой, научившись читать, участвуя в поступательном движении всего общества и находясь в гуще его страстей, эти люди впервые осознали, что образуют собою высшую сообщность — народ и возжелали, компенсируя потерю прежнего традиционного уклада, сделать этот народ сильным, связав с ним все свои упования и надежды.

В этом видит причину национализма Эрнест Геллнер («Нация и национализм», 1983 г.), английский антрополог и исследователь культуры. Он считает, что национализм есть продукт эпохи индустриализации, повлекшей за собой окончательное разрушение изолированных сообществ, свободное перемещение огромных масс людей, появление феномена общенародной культуры, которая с помощью прессы — небывалых тиражей газет и журналов, «брошюрной литературы», плакатной графики становится массовой.

(Окончание на стр. 8)

МОЖНО ЛИ ДОВЕРЯТЬ СОЦИОЛОГУ?

КОРРЕСПОНДЕНТ «ЕВРОПЕЙСКОГО ВРЕМЕНИ» БЕСЕДУЕТ С ДОКТОРОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Д.Г. РОТМАНОМ

— Давид Генрихович! Вы профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета и одновременно руководитель Белорусской службы «Общественное мнение». Что представляет собой ваша социологическая организация?

— Белорусская служба «Общественное мнение» официально зарегистрирована летом прошлого года. Однако, фактически служба начинает свою историю с 1989 года, когда впервые в республике были организованы исследования накануне выборов народных депутатов СССР. Затем были достаточно широкие исследования в период предвыборной кампании 1990 года, когда избирался парламент нашей республики, работы по заказам нового парламента, Минского горсовета, политических партий и организаций разного толка, предпринимательских структур. Этот перечень показывает, что основным направлением деятельности Белорусской службы «Общественное мнение» являются исследования в области политики. Фактически вот уже более полутора лет мы осуществляем мониторинг политической ситуации в республике, определяем рейтинги политических лидеров, партий и организаций. Это позволяет, постоянно сопоставляя результаты социологических замеров по месяцам, прогнозировать развитие событий. Служба является независимой исследовательской организацией, финансирующейся заказчиками исследований. Результаты исследований, как правило, передаются в средства массовой информации.

— Как можно оценить ситуацию в нашей республике на сегодняшний день? Что для нее является наиболее характерным?

— На такой вопрос трудно дать однозначный ответ. Большинство политических деятелей Беларуси, зарубежные наблюдатели, журналисты отмечают значительно большую, чем в других государствах, входящих в состав СНГ, политическую стабильность. Такого же мнения, как показывают наши опросы, придерживаются более 50% жителей республики. Граждане Беларуси считают, что наша страна, как независимое государство, добилась наибольших успехов именно в создании ситуации политической стабильности в республике, а также в укреплении авторитета Беларуси на международной арене и в возрождении национальной культуры и языка. Это отрадно. Но, вместе с тем, лишь 17,6% жителей республики считают, что мы добились видимых успехов в деле развития демократии, 12,1% — в поисках путей преодоления экономического кризиса, 9,4% — в создании новых эффективных структур и учреждений государственной власти. Нельзя не отметить, что 66,8% граждан республики заявили, что стали жить хуже, чем раньше и лишь 6,7% ответили, что их материальное положение улучшилось. В целом же в обществе все больше начинает господствовать чувство неуверенности в будущем. Так считают 63,9% наших респондентов.

— И как, по Вашему мнению, поведут себя люди, если уровень жизни будет по-прежнему снижаться?

— Примерно так был поставлен вопрос в нашем последнем исследовании.

Вот ответы:

— буду терпеливо ждать лучших времен	17%
— буду самостоятельно искать любой приемлемый путь улучшения своей жизни	40%
— примкну к политическим организациям, добивающимся смены существующей власти путем выборов	8,4%
— примкну к организациям, добивающимся замены власти вооруженным путем	3,8%
— стану участником забастовок	4,2%
— уеду в другую страну	3,4%
— поступлю как большинство людей	25,6%
— не знаю	4,7%

Комментировать не буду — в основном, все ясно. Скажу только, что вряд ли возможны экстремистские действия. Впрочем, и конституционная политическая активность также будет расти не особенно быстро. ЕВ. Но ведь политические партии и организации все больше активизируют свою деятельность, стремятся втянуть как можно большее число людей в участие в политических процессах.

Это, безусловно, так. Однако, пессимизм и неуверенность в будущем порождают безразличие и пассивность. За примерами далеко ходить не нужно. До сих пор остаются вакантными депутатские мандаты в ряде округов. Люди просто не приходят на выборы. Мы, как я уже говорил, выявляем отношение населения к политическим партиям и организациям. Так вот, если в марте 1992 г. сторонниками тех или иных политических групп были 19,6% граждан, то опросы, проведенные в июле и октябре показали, что их число уменьшилось до 3%. Уровень доверия к органам власти также оставляет желать лучшего.

— Вы нарисовали достаточно мрачную картину. Где же выход?

— Я бы не сказал, что все так плохо и непоправимо. Жить становится все тяжелее и это не может вызвать всплеск энтузиазма и радости. Но мы идем, пусть медленно, пусть с ошибками, в правильном направлении. Это понимает народ Беларуси. Совсем не случайно граждане республики в ходе наших опросов подавляющим большинством поддержали беловежские договоренности между руководителями Беларуси, России и Украины; провозглашение независимости Беларуси; приостановление деятельности КПБ; провозглашение Беларуси безъядерной зоной; принятие закона о приватизации жилья, начало создания национальных вооруженных сил и многое другое. В нашей республике нет предпосылок для межнациональных конфликтов. Все это внушает оптимизм. Что касается политических партий, их популярности, то здесь просматривается вот какая проблема. Большинство партий и движений сформулировали достаточно четкие и ясные программные цели — национальное возрождение, строительство правового государства, независимость и суверенитет Беларуси. Однако, об этих благородных целях мало кто знает, более того, многие граждане республики не слышали и о самих партиях, не говоря уже об их конкретных делах. У нас знают и говорят о двух политических группировках: о народном фронте и коммунистах. Интересно, что пик популярности БНФ приходился на те месяцы, когда велась ими активная работа с населением — предвыборная кампания 1990 года; апрельские события 1991 года; сбор подписей в поддержку референдума весной 1992 года. Следовательно, причина популярности и успехов в работе с людьми. Мне кажется, что это самое сложное. Здесь многому нужно учиться. Сегодня, например, стал расти рейтинг Объединенной демократической партии, благодаря именно умелой политической работе.

— Большевики тоже все время напирали на умелую «работу с массами». А что получилось в итоге? Может быть, сегодня все дело в том, что изменилась ситуация. Сегодня не 1990-й год и не апрель 1991-го. Прошло время политической активности, народ во многом изверился. Поэтому, кажется, нынче агитируй не агитируй — результат будет один: пассивность и недоверие.

— Но кто-то еще входит в партии и движения. Хотя надо признать, что это очень небольшая часть населения республики — всего 10%. Хотелось бы сказать вот еще о чем. Мне кажется, что лидеры многих партий допускают элементарный тактический промах. Они пытаются указывать людям направление движения к прогрессу общества, берут на себя роль учителей масс. Это действительно вызывает определенные ассоциации и воспоминания о недалеком прошлом. Я думаю, что успех политической деятельности будет сопутствовать тем партиям, которые не будут стремиться показать себя «передовой частью» каких-либо слоев населения, а станут строить свои программы на базе постоянного изучения мнений, оценок и потребностей граждан. Только это обеспечит успех. Это не мое собственное умозаключение. Так отвечают наши респонденты в ходе опросов.

— А можно ли доверять данным социологических исследований?

— В последнее время, и об этом уже говорилось в прессе, создано множество социологических служб, которые далеко не всегда укомплектованы профессионалами соответствующего уровня. Мне трудно говорить о том, кому можно верить, а кому нет. Скажу лишь следующее: данным социологических исследований можно доверять, если сами исследования проводились по выборке, которая формировалась с учетом необходимых требований; если вопросник, с помощью которого собирается информация, понятен участникам опроса, не содержит двучтений, позволяющих каждому из респондентов трактовать одни и те же вопросы совершенно по-разному; если социолог, интерпретирующий данные, находится на нейтральных позициях, а не принимает точку зрения той или иной политической силы. Короче говоря, нашим данным можно верить в том случае, если не будут вызывать сомнений профессионализм и объективность социологов. К сожалению, я знаю примеры, когда эти качества не всегда присущи социологам. Но все-таки большинство моих коллег работают и добросовестно и профессионально. Ну а те, кто подыгрывают своим заказчикам, дают «нужную» информацию, оказывают последним дурную услугу. Хочу сказать, что приведенные мною данные, в основном, получены в ходе последнего нашего исследования, которое осуществлялось по заказу нового, еще формирующегося движения «Гражданская инициатива». Надеюсь, мы еще об этом движении услышим. Наилучшие пожелания всем читателям «Европейского времени».

"Спасибо, сынок." (Гуманитарная помощь).

ФОРУМ

В. ПОЛИКАРПОВ, кандидат психологических наук

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНИН

ПУТИ СБЛИЖЕНИЯ

В мае — июне 1992 г. социологической службой «Адлюстраванне» по репрезентативной выборке проведено исследование «Точка зрения жителя Беларуси», охватывающее широкий спектр мнений жителей республики по вопросам внешней и внутренней политики. Опрос проводился в семнадцати больших, средних и малых городах республики, а также сельских населенных пунктах, соответственно квотам городского и сельского населения, социальные и половозрастные группы аналогичным образом были представлены соответственно их квотам в общей численности граждан старше 18 лет, т.е. имеющих право участвовать в выборах (т.наз. генеральная совокупность).

В качестве зависимых социально-демографических признаков выступали ответы на вопросы «Какой язык считаете родным?» и «К какому вероисповеданию себя относите?»

Какой язык считаете родным?

Белорусский 55,2%

Русский 32,3%

Белорусский и русский вместе 9,9%

Украинский 2,4%

Польский 0,2%

К какому вероисповеданию Вы себя относите?

Православный 72,2%

Католик 6,0%

Униат 1,1%

Протестант 1,1%

Иудей 0,2%

Не принадлежу ни к одной из конфессий 13,6%

Вообще не верю в бога 5,7%.

Родной язык и вероисповедание — две качественные характеристики, косвенным образом влияющие на внешнеполитические приоритеты, т.к. связаны с тяготением к определенной культуре, говорят о культурно-исторических связях населения.

Отношение к внешней политике своего государства связано с отношением к национальной государственности вообще. Здесь необходимо отметить следующую тенденцию: растет убеждение, что независимое национальное государство необходимо и следует его все больше укреплять, формируя соответствующие институты (армию, дипломатический корпус и т.д.). На вопрос «Изменилось ли ваше отношение к независимой Беларуси?» ответы опрошенных распределились следующим образом:

Отношение не изменилось, я всегда был за независимость (57,6%)

Отношение изменилось, раньше я был против независимости, а теперь — за (13,2%).

Отношение изменилось: раньше я был за независимость, теперь против (3,9%)

Отношение не изменилось, я всегда был против независимости (6,0%)

Затруднились ответить на вопрос 19,3%

Обретение независимости — не единовременный акт. Это понимает значительная часть жителей республики. Не случайно на вопрос «Какие политические проблемы Верховный Совет и Правительство Республики Беларусь должны решить в первую очередь?» значительная часть респондентов ответила — «добиться полной независимости Беларуси»:

Добиться полной независимости Беларуси 44,5%

Заключить новый союзный договор, возродить Союз 13,5%

Вступить в Общий рынок 33,9%

Восстановить в полном объеме хозяйственные связи с республиками бывшего СССР 37,3%

Создать Черноморско-Балтийское содружество 7,1%

Поддерживать и укреплять СНГ 9,8%

Вступить в НАТО 5,4%

Стать нейтральным государством 33,7%

Создать собственную армию 20,8%

Иметь общую армию со странами СНГ 10,3%

Способствовать развитию класса предпринимателей 16,6%

Обеспечить всеобщее равенство 17,7%

Затрудняюсь ответить 5,1%

Таким образом, заинтересованность населения в участии Республики Беларусь в разных политических союзах и военно-политических блоках невысока. В то же время более трети опрошенных высказались за то, чтобы «стать нейтральным государством», т.е. против участия в любых — новых и старых — военно-политических образованиях. Приверженность идее государственной суверенности и нейтралитета подчеркивается следующим фактом: тех, кто считает необходимым «создать собственную армию» в два раза больше, чем тех, кто считает необходимым «иметь общую армию со странами СНГ».

Остановимся на внешнеполитических симпатиях жителей Беларуси. Источниками сложившейся направленности внешнеполитических ориентаций могут быть культурно-историческое единство, территориальная близость, социально-экономическая и финансовая стабильность и могущество других стран, а также участие их в оказании помощи населению республики и создание совместных предприятий. Поэтому не случайно на вопрос «Отношения с какими государствами Беларусь должна развивать в первую очередь?» ответы распределились следующим образом:

Россия 59,6%

Украина 53,0%

Германия 43,4%

США 37,3%

Польша 20,4%

Литва 16,3%

Франция 15,0%

Англия 7,4%

Латвия 4,7%

Лидерами во внешнеполитических «симпатиях» жителей Беларуси являются ближайшие соседи, с которыми существует как культурно-историческая близость, так и тесные хозяйственно-экономические отношения: Россия (1-е место) и Украина (2-е место). Можно предположить, что хозяйственно-экономические связи и территориальная близость здесь не являются определяющими, т.к. такие географически близкие страны как Литва, Польша, Латвия занимают соответственно 6-е, 5-е и 10-е места. Не имеющие с республикой общих границ Германия и США занимают во внешнеполитических ориентациях жителей нашей республики соответственно 3-е и 4-е места, что, очевидно, связано как с финансово-экономической мощью этих держав, так и с хорошо рекламируемой гуманитарной помощью, оказанной республике в связи с аварией на Чернобыльской АЭС.

Таким образом, можно сказать, что в политическом сознании жителей Беларуси формируется образ суверенного национального государства с его внешнеполитическими приоритетами и основными направлениями внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности. В то же время следует отметить, что политическое сознание жителей республики динамично и изменяется в процессе формирования государственности и развития социально-экономических и политических отношений с другими странами.

От редакции. **И все-таки проблема правдивого, объективного социологического исследования остается. Как, например, быть с такими «нестыковками»? Служба «Алюстраванне» утверждает, что более 57% жителей республики «всегда были за независимость». Но как же тогда оценивать тот факт, что более 80% населения в марте прошлого года проголосовало за «обновленный Союз»? По данным той же службы, более 55% жителей считают белорусский язык родным. А данные обследования, опубликованные в газете «Такая жизнь» (1992, N 7), свидетельствуют, что в Белгосуниверситете «более 80% студентов против полного перехода преподавания на белорусский язык». Таких «нестыковок» данных разных социологических обследований более чем достаточно. Выходит, и в социологии, кто заказывает музыку...**

МИХАСЬ ТЫЧИНА

ДОБРЫЙ ДЕНЬ, ГЕРР ГАНС!

Пока политики решают, где же все-таки находится Республика Беларусь, — на Запад от Востока или на Восток от Запада, 17 семей из Минска побывали в Южной Саксонии и сами убедились: Запад есть Запад...

Учителя с детьми, неполные и многодетные семьи, кому сейчас особенно трудно среди развалин бывшей «империи зла», были приглашены евангельской общиной из небольшого городка Шмидеберга на «неделю надежды». Неделя в самом городке, в Доме им. М.Л.Кинга, который, как известно, проповедовал идею ненасильственного мира, и неделя в немецких семьях.

Позади, как в Книге Исайи, опустошенные большевизмом поля, поросшие терновником луга, черные после летних пожаров леса, небо в серой пелене дыма. Перед глазами — совершенно иной мир, иная жизнь. Которая могла бы быть и у нас... Если бы мы были другими. Но и такие, какие есть, мы все способны заметить: чем дальше бежит дорога, тем меньше трясет на исковерканном трещинами и выбоинами асфальте. Тем меньше коммунизма. А чем меньше коммунизма, тем радостнее пейзажи, веселее дома, приветливее лица.

Сказано все тем же Исайей: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий». Это наше нынешнее состояние. Увы, весьма опасное. В поисках выхода мы бросаемся во все стороны. И еще больше запутываемся. С какой стороны замерцает огонек? Кто нас позовет?.. Провидение само, или Судьба, или Случай (называйте, как кому угодно), послали навстречу нашей группе, маленькой частичке большого народа, улыбчивых людей со светлыми лицами, которые сразу замечаешь в толпе встречающих. Мало сказать, что они создали в своем Доме атмосферу, в которой оттаивали наши очерствевшие за десятилетия прозябания сердца, исчезали привычная дорожная усталость и вечная «совковая» недоверчивость и подозрительность. Они, всего несколько человек, трое мужчин и три женщины, сумели за эти немногие дни заронить в наши вдрызг измочаленные «левыми» и «правыми», «консерваторами» и «радикалами» души зерна веры в Божественное Провидение, в то, что и наш край не «выкляты Богом», и наш народ не брошен на произвол дьявольщины и бесовства.

Конечно, модель особого мирка в некоем показательном Доме не так и трудно создать. Пустить пыль в глаза. Поразить... Но это больше по нашей части — создание «потемкинских деревень», показательных колхозов, передовых предприятий. Нашей группе была предоставлена возможность перепроверить свои впечатления и убедиться воочию, на что способен свободный труд свободного человека. Да, свободного в ограниченном законами и моральными запретами пространстве. Но это законы цивилизованного государства, а не преступного мира. Это общечеловеческая мораль, основанная на прошедших через века христианских заповедях, а не так называемая пролетарская нравственность с ее призывом: «грабь награбленное»... Мне и моим двум дочерям повезло — нас пригласили к себе Шарлотта и Ганс Грефе из Альмерсбаха, что находится недалеко от Штутгарта, и мы очутились в самой глубине старой доброй Германии, какой знаем ее по сказкам братьев Гримм. Говорить о сказках после всего того, что произошло полвека назад в Европе? Забыть прошлое? Есть в Германии люди, которые стараются забыть о преступлениях против мира и человечности. Это те, что устраивают уличные побоища в Ростоке, видят причину всех неурядиц в иноземцах... Таких и у нас предостаточно. Только уже с красно-коричневым оттенком. Но в эти же дни в немецких кирхах и домах молились за то, чтобы Бог простил все смертные грехи. Прошлые и настоящие. Отсюда и размах благотворительности и гуманитарной помощи, который поражает нас. Когда же мы начнем каяться в грехе большевизма и коммунизма, опустошивших полмира? До сих пор пугающим людей?..

Когда? Наверное, тогда, когда вспомним о человеке. Не том, выдуманном, «новом», а реальном, со всеми его житейскими делами и страстями. Ведь у нас, в отличие от «них», немцев, французов, американцев, даже обыкновенный адрес на конверте начинается с названия страны проживания. Как будто можно адресовать частное письмо целому государству, недавно занимавшему шестую часть суши. Что поражает на этом «загнивающем» Западе, так это человеческие масштабы всего вокруг: полей, домов, магазинов, автобанов... Кажется, будто теплая и большая человеческая ладонь пригладила эти ландшафты, расставила здесь и там домики, обвила серпантином дорог горки и леса. Дети с их непосредственностью и полным отсутствием взрослого лицемерия особенно быстро реагируют на новую обстановку и легко вписываются в западные понятия о свободе человеческого поведения. Оказывается, это не из области сказок, а нормальная жизнь, и иной не может быть. Некоторые из детей принесли на прощальный вечер свои стихи... на немецком языке.

Каждое утро под окнами Дома им. М.Л.Кинга пробегал игрушечный поезд по детской железной дороге, из окошка паровоза выглядывал веселый машинист и будил нас радостным гудком. Добрый день, Катя и Зося! Добрый день, Михаэль! Добрый день, Ганс!

ВЫБОР

ЗДИСЛАВ СКРОК, польский публицист, Варшава

БЕСПОКОЙНЫЙ ДЕМОН НАЦИОНАЛИЗМА

(Окончание. Начало на стр. 5)

Вместе с тем корни национализма Геллнер усматривает и в присущей человеческой природе потребности освоения мира, его «одомашнивания», что заставило человека разделить этот мир на части — «свою», обжитую, знакомую, безопасную, и «чужую», опасную и враждебную. «Следует признать, — пишет Геллнер, — что психология человека ничуть не изменилась за тысячелетия существования рода людского, а также не стала ни лучше, ни хуже и за относительно короткое время, которое прошло с момента возникновения национализма... Это движение не является плодом как идеологической аберрации, так и чрезмерных эмоций. Хотя те, кто подвержен национализму, обычно не понимают того, что творят, движение это является внешним выражением глубинных процессов приспособления друг к другу государства и культуры... национализм есть стремление привести государство и культуру к полному соответствию и обеспечить культуре ее собственное политическое прикрытие». Живучесть и активность национализма определяется, по Геллнеру, взаимозависимостью трех основополагающих элементов: государства, народа и культуры. Сутью и идеалом национализма является слияние политической личности с народной и культурной. «Националистическое чувство, — пишет Геллнер, — это чувство гнева, вызванное нарушением данного условия, либо чувство удовлетворения, если это условие выполнено. Националистическое движение есть движение, рождаемое именно этими эмоциями».

И еще два существенных замечания, которые стоит здесь привести. «Это национализм, — говорит Геллнер, — порождает нации... нации, которые есть нечто, созданное из убеждений, лояльности и солидарности людей.» Рожденная на такой основе, «эта органика народной воли, государства и культуры становится нормой, причем нормой, которую трудно игнорировать, и которую мало кто игнорирует.» Того же мнения придерживается и Берлин: «...вряд ли, по-моему, можно оспорить тот факт, что нет ни одного политического движения, во всяком случае, за границами западного мира, которое не считалось бы с народным чувством, если это движение хочет одержать победу.»

ИНСТРУМЕНТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Как же в свете этих суждений относиться к возвращению в Восточную Европу свирепого, звериного, порой гротескного и иррационального национализма?

Ответ, казалось бы, под рукой: это реакция на абсурд канонов марксистской идеологии, которая насильно навязывалась обществу на протяжении десятилетий. Что это, как пишет в «Республике» М.Круль, реванш «за постоянные попытки лишить народ его святынь, на которые он имел полное право».

Все, однако, выглядит не так просто. Марксисты действительно относили народное чувство к области искаженного сознания, ложного мировоззрения, которое служило укреплению господства правящих классов над пролетариатом, однако они не пренебрегали этим чувством. Не требовали, например, немедленного уничтожения границ, разделяющих народы; после победы революции провозгласили право народов на самоопределение, в том числе и польского народа. Считая национализм исторически реакционным, они сумели оценить его силу и достоинства, его способность мобилизовать народ. Научил их этому исторический опыт. Брошенный Розой Люксембург в 1900 году лозунг: «В союзе с немецким народом против всех немецких и польских господствующих классов», этот лозунг солидарности рабочего класса в борьбе против правительств демократических стран, правительств, служащих эксплуататорам, потерпел поражение во время первой мировой войны. Пролетарии сражались в рядах своих национальных армий и убивали друг друга во имя национальной идеи. То же самое было и во время польской войны в 1920 году. Попытки западноевропейских рабочих саботировать доставку военных грузов в Польшу во имя солидарности с рабоче-крестьянским советским государством оказались малоэффективными для того, чтобы потерпела поражение национальная идея, за которую сражалась в той войне Польша. Это же повторилось и во время второй мировой войны. Сталин, два десятилетия строивший бесклассовое и наднациональное общество, перед лицом военной угрозы вытащил из исторического хлама реквизит, столь же приемлемый для марксиста, как святая вода для дьявола, — вспомнил о народных чувствах, о русской нации и православной религии. И в значительной степени благодаря этому Советская Россия одержала в той войне победу.

Посмотрим теперь на свое подворье. Национальная идея сразу же после прихода коммунистов к власти была взята ими на вооружение. Это ее использовали, стараясь понравиться обществу, когда говорили, что благодаря новой власти поляки смогли вернуть себе исконно пястовские земли над Одером и на Балтике. Это ею кокетничали, проводя с огромным размахом и в конкуренции с костелом празднование тысячелетия Польши, чтобы убедить поляков, что новая власть является преемницей тысячелетней традиции польского народа и государства. Дескать, мы продолжатели династии Пястов, людей славных, хотя и суровых, твердых, но справедливых, настоящих «пролетариев» среди польских владык, «первых секретарей партии» далеких столетий.

Позже о национальной идее талдычили в тысячах книг, о ней дискутировали, ее изучали, ею кокетничал Герек, когда провозгласил строительство «второй», экономически могущественной Польши. Сильный национальный акцент зазвучал также в официальной риторике в годы военного положения, в декларациях ВРОН, ПРОН и общества «Грюнвальд». В этом последнем случае выступал уже явный национализм, названный, правда, «патриотизмом», подобно тому, как «патриотами» были ксендзы, завербованные в пятидесятые годы Болеславом Песецким, идеологию которого, а равно и деятельность (в том числе и предвоенную) можно определить как национал-фашистскую. На эту отвратительную, лживую, псевдопатриотическую ауру военного режима обратил внимание Ян Щепаньский в «Каденции», написав: «Меня повергает в недоумение тот факт, что эту позицию, этот язык — типичный для правых тоталитаристов — использовали как проповедь идеи Маркса.»

ОПОЗДАВШАЯ ПОБЕДА

Да, все не просто. Национальная идея, помимо официального ее использования в марксистских государствах, жила и проявляла себя в двух соперничающих ипостасях. Во-первых, она была инструментом властей для манипулирования общественным мнением, должна была обеспечивать им общественную поддержку или хотя бы терпимость. Во-вторых, она продолжала жить в самом обществе, которое сознавало себя нацией, имеющей собственную национальную культуру, но давало себе отчет в том, что у него нет независимого государства и своей государственной власти

Обе эти ипостаси находились в постоянном конфликте. Шла постоянная борьба за национальные символы, традиции, идеалы. Власть играла на военной струне (армия является важным элементом национальной идеи), используя мотив немецкой угрозы, давая понять, что только она, эта власть, вкупе со своим восточным союзником может гарантировать безопасность народа. Общество отвечало обращением к костелу — институту изначально враждебному идеологии марксизма, к символу католической традиции, играющей важную роль в польском национальном сознании.

В этом споре, продолжавшемся несколько десятилетий, общество постепенно брало верх. Отвоевывалось все большее поле для национальных традиций и самобытности. Постепенно возвращались в общественную жизнь костел, традиции народной жизни XIX столетия, эпос, Армия Краева, современная эмигрантская литература, правда о советско-польских отношениях, о 17 сентября 1939 года, о Катыни и ссылке. И, наконец, под знаменем национальной идеи общество пришло к власти, получило свое государство, армию и все национальные символы, включая орла, увенчанного короной. Осуществилась предсказанная теоретиками национальная идея: тождество народа, государства и культуры. Но осталось и поле брани. Поле это — анахронизм. Национальные задачи, или, по Геллнеру, националистические, — это задачи XIX века. Они своевременно возникли во всей своей полноте и своевременно были разрешены в большинстве европейских стран. Иначе обстояло дело только в Центральной и Восточной Европе. В этом регионе XIX век длился вплоть до 1945 года (в Германии, где национализм приобрел крайние формы, зоплотившись в гитлеризм) и до 1989 (в Польше и прочих странах «народной демократии»). Мы в этом плане оказались в особой ситуации. Исключая краткий межвоенный период, наша национальная мысль отшлифовывалась в борьбе с государством и властью, которых мы не могли считать выразителями наших национальных чаяний. Атмосфера насилия, угроз, народных восстаний, романтических мифов и мечтаний, в которой происходило становление нашего национального самосознания, накладывала свой отпечаток на его содержание и формы, на его позиции. Это скорей позиции борьбы, нежели согласия и созидания, убеждение в превосходстве собственных суждений, нежелание понять мотивы и побуждения «чужих», настороженность в отношении к внешнему миру, чувство исходящей от него опасности вместо желания установить с ним контакт. Все это вместе взятое не что иное, как конструкция из стереотипов, фобий и умозрительных представлений, упрощений, основанная на чувстве превосходства над другими народами Восточной Европы. Все так, как говорил Оруэлл в своих «Заметках о национализме»: «Националист — это тот, кто мыслит исключительно или главным образом категориями соперничества и престижа... Он смотрит на историю, в особенности на современную, как на бесконечные подъемы и спады противостояния держав, в каждом событии видит знак укрепления и перевеса своей позиции и умаления ненавистного соперника... Национализм есть жажда державной мощи, которая удовлетворяется самообманом.»

Такой национализм и является сегодня анахронизмом, по крайней мере, в Европе, которая была его колыбелью. Все более отчетливо видны в ней признаки заката «эпохи национализма», он выходит из моды, перестает играть ведущую роль в формировании взглядов человека. Национализм, о котором мечтали поляки, столь ярко представленный Домовским в «Мыслях современного поляка», идеал народа, понимаемого как слияние воли, языка, традиции и культуры, воплощенный в государстве, которое является выразителем его политических амбиций и обладает территорией, которая гарантирует его внедрение в повседневную жизнь, — такой национализм утратил в Западной Европе всякое значение. Вобравшая в себя национальные идеалы, язык и традицию, но уже современная культура обнаруживает тенденцию к переходу границ, тенденцию к национальной унификации. Эти изменения умаляют роль государства, бывшего некогда политическим щитом и орудием экспансии националистической мысли. Функции эти исчезают, исчезает давняя конфронтация в отношениях между государствами, наступает общность их интересов...

Национализм как естественный и универсальный способ упорядочения политической жизни людей... исчерпывает свои творческие возможности. ...Оттесняют его, с одной стороны, общемировые тенденции, ведущие к унификации, а с другой — изменения, происходящие в сознании современного человека... Массовая культура, наднациональная экономика и архипелаг «малых отечеств» вытесняют националистическую идею.

ЕЩЕ МНОГОЕ СЛУЧИТСЯ

Безусловно, процесс этот завершен не повсеместно, а тем более в Восточной Европе. В этом регионе лишь наступает конец XIX столетия. Преследуемая десятилетиями, фальсифицированная, используемая чуждой властью в целях «социальной инженерии», националистическая идея только теперь может свободно проявить себя. В этой части мира мы продолжаем жить ею, ее проблемами и целями. Ее лозунги сопутствовали нам в борьбе за утверждение национальной самобытности и политической независимости. Ныне, осуществившись, она создает атмосферу победы. Но это не значит, что так будет всегда. Мировая тенденция не минует и нас, если учесть, что и мы становимся открытым обществом и мы сами жаждем этой открытости... Как говорил Норвид: «Тот, кто заменит патриотизм исключительностью, тот превратит Отечество в секту и кончит фанатизмом». Мы не хотим этого.

Нет будущего у национальных эмоций в Восточной Европе. Исключение — Советская Россия, где национализм имеет совсем другие, нежели у нас, корни, где национальная идея не была такой, как в Европе, где выступала она как идея государственная, а не как способ приобщения людей к политической жизни, демонстративно отталкивала от себя «пагубные западные влияния» (что отразилось, например, в творчестве Достоевского, а ныне — в творчестве Солженицына), и превратилась наконец в коммунистический тоталитаризм и интернационализм. Эта мешанина может стать гремучей и взорваться, достигнув критической массы, а именно к этому ведут, как мне кажется, нынешние процессы либерализации и перестройки. «Освободить внезапно таких людей, это значит — поджечь страну», — пророчески восклицал еще в 1839 году в «Письмах из России» маркиз де Кюстин. Современный русский национализм, однако, требует отдельного обстоятельного разговора.

«Literatura», 1990, N 8.
Перевод с польского.

ESSAI

ИЛЬЯ ЛЕВЯШ, профессор, Иерусалим

НА РАССТОЯНИИ И ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Илья Левяш защитил докторскую диссертацию в Минске в 1975 г. Более семи лет до эмиграции работал профессором Белорусского технологического института. Последние два года он — профессор Еврейского университета в Иерусалиме. В основе его научных интересов диалектика свободы и отчуждения, тоталитаризма и демократии. Сейчас ученый завершает работу над книгой «Белорусский суверенитет».

* * *

В заявке издательству «Беларусь» есть обязательство завершить последний раздел, посвященный реалиям сегодняшней Беларуси. Точки над «i» не поставлены мной сознательно. Утверждают, что «значительное видится на расстоянии», верно и обратное: суть видимого на расстоянии доступна лишь ЛИЦОМ К ЛИЦУ. В моей визе были названы столицы трех новых государств, но побывать в двух из них не пришлось: Минск поглотил целиком. Не спеша всматривался в город. Жадно знакомился с многоликой прессой. С интересом встречался с энтузиастами, мизантропами и нейтралами, настоящими и будущими лидерами партий и бизнеса, не избегал и тех, кто предпочитает не «выступать».

Ранее, чтобы различить кажимость и суть, я не испытывал затруднений. Сегодня - иное. Главное - выявить СТЕПЕНЬ АДЕКВАТНОСТИ расхожей на Западе (да и в среде бывших советских) версии «блудного сына»: машина времени доставила распавшийся Союз к исходной точке, в 17-й год, а в более радикальной трактовке — в европейский XYIII век, в эпоху первоначального накопления. Капитализм вновь вменяется ему в императив. Он, и только он, приведет заблудших в мир цивилизации и культуры (западной, разумеется).

Чем более постигал я происходящие на земле Беларуси перемены, сопоставлял их с процессами в «славянском треугольнике», тем более разительной казалась мне аналогия этой версии с постмарксовскими новациями.

Авторы концепции бывшего Союза как «блудного сына» цивилизации и культуры, исходят из ЛИНЕЙНОЙ схематики всемирной истории — «от формации к формации», в конечном счете, к капитализму. Это и есть «марксизм наоборот», только в нем в качестве венца выступал коммунизм.

Я не принадлежу к тем, кто сегодня со вкусом лягает мертвого льва. Но все, кто изучал марксизм не только по «Манифесту», всегда знали, что имеют дело с КЕНТАВРОМ.

Его человеческий ЛИК — реальный «эмпирический индивид», его интересы как исходный пункт и самоцель истории; органический, целостный характер социальной жизни, которой противопоказаны механические изъятия и протезы, особенно в виде электронного мозга; естественный характер эволюции, которую нельзя вводить или отменять декретами, но можно замедлить или ускорить; сознательное самоограничение опытом технологически наиболее зрелых стран, анализ двух способов производства — «европейского» и «азиатского», пристальный интерес к своеобразию Америки и России; наконец, гадать «на кофейной гуще будущего».

Животное ТЕЛО кентавра родилось и окрепло в лоне мессианской традиции, идущей от великих монорелигий, претензий гегелевского «мирового разума», эгоцентризма европейского Просвещения. Все они были искренни в убеждении, что, открыв единственную совершенную истину, вправе принудить несовершенное общество следовать ей, как отец — несмышленое дитя. В такой системе координат эволюция общества представлена уже не как реальное древо естественного многообразия, а в зависимости от соответствия истине. Отсюда — не только роль развитых стран, которые указуют менее развитым их собственное будущее, но и миссия пролетариата и его партии, призванных ускорить приближение к истине тем энергичнее, чем менее смышленой является паства.

В отличие от Маркса, Ленин воспринял эту социальную инженерию не как «повивальную бабку» естественного развития, а как его ТВОРЦА. Отсюда известный императив: «Мы отстали от Запада на 100-150 лет. Если это отставание мы не преодолеем за 30-40 лет, нас сотрут». Большевизм преодолел этот разрыв именно за 30-40 лет, создав тоталитарно-индустриального колосса. Он выдержал грандиозную войну и все же РУХНУЛ без нее, подобно стене, о которой молодой Ульянов высказал известную сентенцию тюремному стражу.

Это был не эксперимент: большинство общества искренне поддерживало большевизм. Массы наделили государство необходимой силой, но не оставили за собой контроль над левиафаном. Наша трагедия — не в его силе, а во всесилии. Именно оно привело к убеждению, что девять женщин могут за месяц родить ребенка. Результатом был выкидыш, гигант-недоноска, существующий по идеальным схемам орвелловского механизма. Когда же реальный Запад неожиданно и дружно обнаружил стойкое нежелание жить в его режиме, линейная логика привела к худшему: арьергард, признавший свое отставание на 100–150 лет, еще не «догнав» более развитые колонны, решился встать «во главе планеты всей», вконец загнав клячу истории.

Мы пожали то, что посеяли. Естественную связь общества и личности подменили всевластием государства над «совком». Необходимый примат ценностей культуры над цивилизацией был принесен в жертву ее вещам, имеющим цену. Мы жаждали признания своей роли мессии мира, бессознательно подражая его усредненному идеалу, и отрезали себе путь к Храму собственной культуры — уникального способа жить. Здесь — социально-исторический гумус, который от века наследует корни народа, задает высоту ствола, размах, форму и цвет кроны. Все социальные мичурины терпели крах в благом или бесовском порыве привить именно этому древу ветвь или — чего доброго (недоброго) выкорчевать корень до основания, а затем... Главный урок всех социальных инженерий в том, чтобы не посягать на КОРНИ, не оценивать их со знаком плюс или минус, а ПРИНЯТЬ их такими, какие они ЕСТЬ, и, опираясь на них, культивируя их, заботиться о древе. Оно — не древесина, которую можно экспортировать или — нынче более в моде — импортировать. Оно естественно вырастает из органики истории каждого народа. И оставим ненужные споры о том, кто выше — Шекспир или Достоевский.

Завидую тем, кто задался целью просто описать белорусскую уникальность сегодня, легко соединяя подлинное и мнимое, серьезное и то, что было бы смешным, если бы не было грустным. Велик соблазн увлечься внешними эффектами, колоритными деталями, но сути происходящего на этом пути не постигнуть. В его выражении Молчание и Слово поменялись местами. Все говорят, что Ленин забрался на броневик — и сошел с него. Помнят, что Ельцин в полный рост стоял на танке, и молчат — не сглазить. Шумно берутся «за грудки» в парламенте, как в инциденте с бывшим лидером коммунистов в памятный августовский день, а затем задают загадку сфинкса: «Приватизация и национализация». Вице-президент Союза предпринимателей РБ М.Шавельзон, суммируя страсти, вопрошает: «Если Верховный Совет хочет проводить реформы, то какие? Что собирается создавать? Социализм с человеческим лицом, капитализм или вообще какой-то непонятный «славянский рынок»? Последний — непонятен. А в выборе между социализмом и капитализмом — уже ясность? И апелляция к парламенту, потому что «народ безмолвствует»?

Лава не извергается по воле политических кашпировских, но неумолимо стремится к кратеру в природном русле и темпе. Их параметры неведомы митинговому темпераменту, но доступны научному анализу.

Независимый Институт социологии парламентаризма провел социологическое исследование альтернатив: выбор москвичами путей дальнейшего развития страны. Только 4% опрошенных считают, что их потомки будут жить при социализме, 30% — при капитализме, а 28% — за третий, «особый» путь страны. Несмотря на трудности перехода к рыночной экономике, только 10% респондентов убеждены, что нужно свертывать реформы, 29% — за то, чтобы продолжать, и 35% — «идти дальше, развивать рыночную экономику, но по-другому».

Массовая потребность осуществлять реформы, но ПО-ДРУГОМУ, подтверждена независимым анализом международного Центра социологических и маркетинговых исследований. Три тысячи двести пятьдесят респондентов в России определенно высказались за бессмысленность реформ без перехода к частной собственности. Но когда вопрос был поставлен не абстрактно — за или против частной собственности, а более предметно, число ее сторонников заметно убавляется. Приватизация крупной промышленности, транспорта, средств связи вообще не приветствуется. Только 25,9% респондентов поддержали приватизацию мелких предприятий и сферы услуг, 30,1% — за частную собственность на землю.

Разумеется, чем более участники опросов срослись со старой системой, тем сдержаннее их реакция на зов капиталистических сирен. Показательно в этой связи международное исследование «Новая демократия и местная власть», которое проводится также и в Беларуси. В октябре — ноябре прошлого года здесь было опрошено 450 респондентов — руководителей и депутатов советских органов. Все участники опроса поддержали формулу главной задачи своей деятельности: «Работать во имя экономического развития общества». Но каким образом? Идя по какому пути? Характерно, что социологические замеры в Литве, Польше и Словении показали очень высокую привлекательность капиталистического выбора. Более умеренным он оказался в Швеции, достаточно скромным — в Украине, почти нулевым - в России. Беларусь же стала единственной, где выбор был анти-нулевым, т.е. АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ.

Эти данные устойчиво коррелируют с результатами опросов, проведенных социологическими службами Москвы и Минска. Институт общественного мнения (Москва) обратился к респондентам в «славянском треугольнике» с вопросом о желании заняться собственным бизнесом. Любопытно, что «не хотели бы этого» поровну в России и Украине — 49%, а в Беларуси — 79% опрошенных. Исчерпывающе звучит и название статьи социологов Белорусской службы «Общественное мнение»: «О фермерстве говорят многие, а стать фермерами желают лишь 7,5% людей».

Все (или почти все) хотят капитализма с его супермаркетами и автомобилями в каждой семье. Но все (или почти все) знают, что капитализм — это не только хорошо оплачиваемая работа, если она есть, но и биржа труда. Здесь, как заметил один мой знакомый, «все умирают в одиночку». А ЖИВУТ вместе? У кого-то в глазах стоят «кровавые мальчики», а у меня — одинокая пожилая женщина в минском кафе, одна из первых жертв приватизации. Накормив ее, я уже не смог есть.

Как заметил поэт, все прогрессы реакционны, если рушится человек. Конкуренция, не уравновешенная социальной солидарностью, такая же, в сущности, несовершенная весь, как и коллективизм, отрицающий индивидуальность. Очевидно, альтернатива — В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ, где человек, каждая группа обладают долей власти над властью, конкуренция сбалансирована социальным контролем, цивилизация — культурой. Третий путь? Возможно, именно он адекватен социально-историческим корням народов «славянского треугольника», в особенности — Беларуси. В этом нет ни ущербности, ни превосходства над Америкой, Европой или азиатскими «тиграми».

Именно поэтому Беларуси никуда, ни в какую Европу нет нужды «возвращаться». Европа — не только мессианский критерий оценки, но и социокультурная РЕАЛЬНОСТЬ, напоминающая два асимметричных и дополняющих друг друга полушария головного мозга. Это штурм Бастилии и Зимнего, Освенцим и Минское гетто, Елисейские поля и проспект Скорины. Каждый из них САМОДОСТАТОЧЕН, и только ВМЕСТЕ они и есть Европа. Беларусь всегда была, есть и будет в европейской системе координат, хотя, как заметил С.Шушкевич на заседании Европейского совета, «боюсь, что вы об этом не знали». Досадно, конечно, да и обстоятельства требуют доказательства «хорошего происхождения». Пусть будет так. Не забыть бы только из Горация: «Кто же свободен? Тот, кто довлеет себе».

КУЛЬТУРА

АЛЕСЬ ГИЗ

ВИНОГРАД ЕЩЕ СЛИШКОМ ЗЕЛЕН...

Что делает человек или группа людей, натолкнувшись на почти непреодолимое препятствие, попав, пользуясь терминами психологии, в состояние фрустрации? Реакция может быть отрицательной, если приоритет отдается не поискам выхода, а психологической разрядке (так, например, поступила лиса в басне Эзопа). Может быть и положительной, или адаптивной, если выход ищется в анализе прежде всего собственных ошибок и недостатков. Второй вариант реализовать намного труднее, но только он способен разрешить проблему по существу.

Как ведут себя в подобной ситуации люди, отождествляющие себя с белорусской национальной идеей? Натолкнувшись на необоснованно холодное до полного безразличия отношение к белорусской истории и культуре не только со стороны соседей, но и со стороны громадного большинства соотечественников, создают на месте старых, хотя и упорно цепляющихся за жизнь мифов, новые, — то ли для удобства усвоения массовым сознанием, то ли в качестве средства индивидуальной психологической защиты.

Например, опровергнув старую концепцию, по которой включение белорусских земель в Великое княжество Литовское (ВКЛ) происходило путем завоевания этническими литовцами, не смогли-таки удержаться от гипербол, и теперь считается чуть ли не общим местом утверждение, что, дескать, эти дикари-жмудины и вовсе не имеют права зваться литовцами.

Они чуть ли не на деревьях жили, пока не пришли утонченные белорусы, как европейцы в Африку, и не принесли с собой культуру.

Не могу согласиться с такой профанацией по двум причинам.

Во-первых, нельзя поверить в то, что «Литва Миндовга» уже к XIII веку была лишь балтийским островком среди океана славянских земель. На каких же землях тогда находились извечные родовые гнезда литовских («жмудских»?) феодалов — Гераненны, Гольшаны, Крево? И как объяснить то, что ассимиляция литовцев белорусами и передвижение этнической границы на северо-запад продолжалось вплоть до начала XX в.? Ведь эти земли будто бы и так уже 700 лет были белорусскими!

Во-вторых, если даже допустить, что литовцы меньше нашего имеют исторических оснований претендовать на наследие Великого княжества, кто посмеет сказать, что они имя «Литва» менее заслужили, чем мы? А кто же в условиях жесточайшего запрета на литовское (как и белорусское) слово организовывал широкую сеть подпольных школ, печатал одну за другой книги, так что половина населения умела читать на родном языке, причем научилась этому в лесу за свои кровные деньги? Кто летел через Атлантику и выигрывал чемпионаты Европы по баскетболу? Кто защищал Вильню от доблестных советских десантников?

А кто за многие столетия так и не сумел (да и не пробовал) избавиться от исконной восточнославянской расхлябанности? Ах да, это, конечно же, москали, а мы целиком состоим из одних достоинств, единственный наш недостаток — слишком доверчивы и незлобивы, потому-то и позволили коварным и завистливым соседям уничтожить нашу великую (масштаба Атлантиды!) цивилизацию.

Поэтому, если вдруг взгрустнулось, давайте-ка отрядим в Москву очередного пламенного патриота, он вернется и отрапортует на страницах элитарной газеты, что, мол, в Багдаде все спокойно. То есть имперская столица по-прежнему успешно загнивает, и, значит, нет оснований для беспокойства.

Похоже, что неудачи соседей могут радовать больше собственных успехов. А так ли уж много у современного белоруса поводов для такого чванства? Что, он добился более прогрессивного парламента и более компетентного правительства, чем русский? Построил государство, где больше возможностей реализовать себя, чем в России? Он меньше пьет и матерится, лучше работает и более образован? Да в этом смысле мы не менее русские, чем жители Рязани или Вологды, и уж никак «не тянем» на литовцев.

Во многих ура-патриотических изданиях довольно отчетливо проступает мысль, что отсутствие демократических свобод, провинциальность и убогость нескольких последних веков и коммунистический режим XX в., в частности, не являются в Беларуси продуктом собственного исторического развития, а перенесены на нашу почву с востока. Не питая ни малейших симпатий к российской национально-государственной идее, не могу согласиться с тем, что белорусский тоталитаризм имеет лишь российские корни. Вряд ли можно признать обоснованным тезис о том, что ликвидация БНР и установление советской власти в Беларуси — это продолжение в новых условиях исторического спора между просвещенной Вильной и дикой Москвой. По крайней мере, при выборах в Учредительное собрание в целом по Российской империи было подано лишь 24% голосов, тогда как по Беларуси — 54%! При такой статистике трудно объяснить установление коммунистической диктатуры в Беларуси одними лишь происками имперских сил. Тем более неубедительно выглядит логический ряд: борьба между Москвой и Вильной — ликвидация БНР — потуги современных шовинистов. Если в отношении Москвы и можно проследить преемственность от режима Грозного (и даже Калиты) к СССР, то вряд ли обоснованны наши претензии на роль исконно демократического государства, коему только козни раскосых скифов помешали таковым остаться. Увы, у О.Валовича и Л.Сапеги фактически не было духовных наследников, да и в своем времени они оставались в трагическом меньшинстве.

Безусловно, если рассматривать только два государства — Московию и Литву — в отрыве от остального мира, то сравнение их по уровню того, что мы сегодня называем демократией (и по уровню цивилизованности вообще), явно не в пользу первого. И хотя до сих пор хватает людей, гордящихся тем, что призвание русского государя — «владети людьми», а литовского — «всего лишь устраивати их», не стоит опускаться до того, чтобы вступать с ними в полемику: ревнители российской великодержавности исповедуют совершенно иррациональную систему ценностей. Но если избрать эталоном для оценки уровня политических институтов Великого княжества не Москву (ибо какой же это эталон?), а страны Западной Европы, то наше громадное отставание, становившееся по прошествии золотого XYI в. все более очевидным, нельзя не заметить, как ни надувай щеки.

А между тем в последнее время стало модным ни больше, ни меньше, как сравнивать демократию ВКЛ с британской, причем не в пользу последней. Утверждается, что, поскольку процент населения, участвовавшего в выборах в сейм, был больше, чем в английский парламент, то за нами, так сказать, победа по очкам. В таком случае, самыми демократическими следует признать страны соцлагеря с их 99,99%! Отец Шекспира, может, не участвовал в выборах, но зато он мог, скрываясь от кредиторов, спокойно прогуливаться по двору собственного дома, не опасаясь ареста. И это за сто лет до знаменитого Habeas Corpus Act!

Можно ли привести подобный пример из нашей истории? Фактическая неприкосновенность нескольких магнатов объясняется не торжеством права, не уважением к закону и к личности, но только слабостью центральной власти и наличием у магнатов собственной военной силы, опираясь на которую, они чинили в отношении подданных, не пользовавшихся благами Литовского Статута, произвол не меньший, чем восточные деспоты. Не только крепостной и еврей-ремесленник, но даже мелкий шляхтич находился в Речи Посполитой (а в ВКЛ в особенности) на положении быдла. Не это ли систематическое отчуждение подавляющего большинства людей от какого-либо участия в делах страны и стало главной причиной не просто отсутствия прогресса, а явного упадка технологии и культуры в XYII-XYIII вв.? Хваленое преимущество перед Московией было за это время бездарно промотано, и к эпохе разделов Речь Посполитая подошла даже гораздо более отсталой и дикой страной, чем ее восточный сосед. Россия, явный аутсайдер всей Евразии, уступавший даже Турции, ценой неимоверных усилий за это время совершала гигантский скачок вперед. Конечно, платой за него были неисчислимые бедствия и страдания, миллионы загубленных жизней. Но кто скажет, что жизнь подданных Радзивиллов была более счастливой и осмысленной? И кто объективно нанес нам больше ущерба — союз трех черных орлов или собственные феодалы? «Радзівілы — больш, чым род». Не знаю, я склонен скорее повторить за Агатой Кристи: «...зло не есть нечто сверхъестественное. Это нечто недочеловеческое... преступник не может быть велик, потому что он всегда меньше, чем человек». А как еще оценить всяких мартинов, иеронимов и каролей с их кольями, гаремами, наумахиями, катанием летом на санях по усыпанным солью дорогам?

Чем вообще опасны мифы ретроспективного национализма — нет, не для соседей, а для нас самих — тем, что не нужно прилагать усилий, задумываться, действовать, ошибаться. Зачем? Ведь мы, как говорится, на две головы выше и литовцев, и русских. Так уютно в этой раковине, так не хочется из нее вылезать...

Можно ли считать такую реакцию на фрустрацию положительной? Приведет ли она к адаптации в современном мире? Принимая ответственность за судьбу нации, нельзя руководствоваться лишь гордостью за ее достоинство. Нужно ясно представлять себе ее недостатки. Наследие невозможно раскроить: вот это, хорошее — наше, а это, плохое - соседей. Вспомним Купалу:

Так Бацькаўшчыну я здабыў сабе
без злосці
Узрос з яе й чужых з яе не скінуў
косці.

КОЛЛАЖ

АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ

ГУД БАЙ, МОЙ МАЛЬЧИК...

Совет Министров Беларуси принял, а на ближайшей сессии Верховный Совет республики будет рассматривать и утверждать проект «Закона о въезде и выезде из Беларуси граждан Беларуси».

Между тем, с первого января будущего года в России аналогичный закон уже вступит в силу. Если, конечно, в последний момент таможенное правительство не подсунет своему народу очередную гадость в виде каких-нибудь «объективных обстоятельств».

Предполагают, что немедленно воспользоваться правом свободного выезда в России захотят 15-20 миллионов человек. Скорее всего, людей окажется слишком много, а паспортов и чиновников, а также печатей, проставляющих единовременную выездную визу, слишком мало.

То же самое, видимо, предстоит и в Беларуси. Вступающий в силу российский закон был принят еще парламентом СССР, однако Москва, в отличие от Минска, решила не тратить время и средства на его переписывание, повторные дебаты и утверждения. Ведь суть закона, на самом деле, довольно проста. Она сформулирована еще в конце сороковых годов в Декларации прав человека и гражданина, утверждающей право любого свободно въезжать и покидать любую страну, включая собственную. В демократических странах о праве выезда из своей страны даже не подозревают. Оно просто существует «от рождения», каждый впервые пожелавший куда-нибудь поехать за границу обращается в соответствующие мидовские инстанции и получает паспорт. Как правило, это делается по почте: заполняется анкета, прикладывается фотография и, если не к спеху, через месяц-полтора паспорт пришлют. Специфика страны может накладывать некоторые дополнительные ограничения. Скажем, в Израиле полноценный паспорт выдается гражданину страны только через год после принятия гражданства и, поскольку это страна иммигрантов, требуется справка от государственного банка, ведающего ссудами, об отсутствии долгов или поручительство трех гарантов, материально ответственных на случай невозвращения должника. В том же Израиле, находящемся в состоянии войны почти со всеми соседями, при выезде за границу требуется справка от военкомата, подтверждающая, что в данный момент гражданин не призван на службу или на сборы.

В демократических странах люди, даже не имеющие гражданства, а только вид на жительство, по первому требованию получают специальный документ для поездок за границу. Автоматически, без дополнительных хлопот, предоставляется право на свободный выезд и въезд в данную страну на период действия такого документа. В отличие от настоящего гражданского паспорта, такой документ требует визы во все страны, куда его владелец собирается.

В Беларуси, как, вероятно, и в России, получение гражданского паспорта будет обставлено рядом препятствий: от элементарной нехватки бланков до возможной процедуры подтверждения гражданства. Чиновники на ближайший год без работы не останутся. Они обязательно придумают что-нибудь новенькое, дабы гражданин, уже получивший нормальный паспорт без разовой или многоразовой отметки «выезд до...», все равно оставался в роли просителя.

Сегодня процесс выезда вроде бы упрощен. Но что на самом деле изменилось? Отменена разрешительная функция ОВИРа. Для каждой поездки надо все равно заполнять анкеты, платить комиссионные сборы, предоставлять кучу фотографий. Получение гражданского паспорта должно свести все это на нет. Со структурой, аналогичной ОВИРу, гражданин в демократических странах сталкивается на короткое время лет через пять: заполнил лежащую в приемной или присланную по почте анкету, приложил пару фотографий — получил документ.

Но настоящие проблемы у нас могут возникнуть несколько погодя. Ни одно государство не требует приглашения из другой страны для выдачи документов на выезд. Это проблема гражданина и той страны, куда он направляется. Привыкший к постоянным унижениям и зависимости от государства «бывший советский» воспринимает требование о предоставлении приглашения как должное. Непонятно, почему ОВИР добровольно берет на себя работу аналогичных структур других государств мира, одновременно существуя на деньги налогоплательщиков-соотечественников и усложняя им жизнь?

Государство не должно мешать своему гражданину выехать, а вот пускать его или не пускать и на каких условиях — право других стран. Если существуют соответствующие договоренности, то виза на въезд в другую страну нередко не нужна. Если договоренностей пока нет, то приглашение или подтверждение наличия определенной суммы в валюте в посольство представляет сам гражданин. Даже факт предоставления приглашений идет вразрез с нормами международного права. Это понимают все страны и прибегают к нему только потому, что национальные валюты стран бывшего СССР неконвертируемые.

Если существующие претензии ОВИРа к согражданам сегодня пока еще де-факто и де-юре являются прямым нарушением прав человека, то ограничения на въезд «бывших советских» в другие страны вызваны сугубо экономическими причинами. Ни один нормальный человек на Западе не поедет в другую страну, не имея средств к существованию. Он знает, что может там свободно передвигаться, отдыхать, обучаться, но... за свой счет. И без официального права на работу. Ответственность за свои шаги, поступки — это и есть свобода.

И все-таки проблемы нашего выезда, хотя и медленно, но решаются. И очень скоро возникнут реальные проблемы, связанные с выездом. Решение этих проблем, по сути не менее унизительных, чем не существующие выездные визы, невозможно без хотя бы внутренней конвертации рубля и иных валют бывшего СССР. Право на выезд еще не равнозначно праву на въезд, и Запад вполне резонно опасается нашествия, по сути дела, бродяг и приживалов, которые будут вынуждены, как правило, нелегально зарабатывать на хлеб насущный, вступая в конфликт с законом и обществом.

АНДРЕЙ КИШТЫМОВ

ОТВЕТИТ ЛИ МИНСК НА ЗАГАДКУ ДАЛЛАСА?

Ажиотаж разгорается вокруг хранящегося в Минске шеститомного досье на Ли Харви Освальда.

Это отчеты оперативной работы по Освальду, которого подозревали в попытке внедриться в КГБ по заданию ЦРУ. Их появление в минском архиве не случайно, ведь именно у нас он жил и работал во время своего пребывания в СССР в начале 60-х годов.

Загадка убийства президента Кеннеди продолжает будоражить умы, и немудрено, что к минскому досье проявляют повышенный интерес и у нас, и на Западе. Недавно с просьбой ознакомиться с этими материалами к Станиславу Шушкевичу обратилась газета «Известия». С подобной просьбой к бывшему шефу КГБ СССР Вадиму Бакатину в свое время обращалось и ЦРУ. Бакатин, как известно, отличался повышенной благосклонностью к своим американским коллегам и был готов это сделать. Но не успел. Как уверяет председатель КГБ Беларуси Эдуард Ширковский, они были готовы поделиться информацией с американцами, но только на паритетной основе. Американцы отказались предъявлять какие-либо документы со своей стороны, и сделка не состоялась.

В этом есть интересный момент. Безусловно, паритет — прелестное словцо, введенное в широкий политический лексикон идеологами брежневской поры. Но что понималось под ним в данном случае? Какие американские секреты могли расцениваться нашими спецслужбами как эквивалент делу Освальда? Или все обстоит гораздо тривиальнее и «паритет» мог быть измерен некой суммой в СКВ?

По-прежнему любопытна и фигура самого Ли Харви Освальда, человека, явно пользовавшегося благосклонностью спецслужб и той и другой стороны. Посудите сами. Он служит в американских ВМС оператором радиолокационной станции на базе Ацуги в Японии в то время, когда эта база использовалась самолетами-шпионами У-2. Там же изучает русский язык. Затем весьма успешно демобилизуется из армии, отправляется в СССР, просит предоставить ему советское гражданство. Безусловно, служба в таких частях и на такой должности предполагает нахождение «под колпаком» у компетентных органов, но его выезду в СССР никто не препятствует, впрочем как в дальнейшем не препятствует и его возвращению в США. В Союзе его встречают вроде бы неласково, гражданство сразу не дают, однако, вскоре он уже работает в Минске, на радиозаводе. Но ведь не громкоговорители являются основной продукцией наших заводов электроники и приборостроения. Записавшись в общество охотников и рыболовов, Освальд беспрепятственно покупает ружье.

Вообще, складывается впечатление, что ружья Освальда жили отдельной от него жизнью. В Далласе, сразу после покушения на президента, на шестом этаже склада школьных учебников была обнаружена винтовка немецкой системы «маузер» калибра 7,65 мм с ручным затвором и оптическим прицелом. Однако в отчете специальной комиссии по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди, которую возглавлял председатель Верховного суда США Эрл Уоррен, в качестве «винтовки Освальда» фигурирует итальянский карабин «Манлихтер-Каркано» калибра 6,5 мм. Что же касается Минска, то свидетели в один голос утверждают, что Освальд был никудышным стрелком. Несколько странно было слышать на одной из пресс-конференций, что подобного мнения придерживается и Эдуард Ширковский. Отмечу, что хорошему стрелку, пожалуй, не составит труда прикинуться неумехой, вот обратного эффекта достигнуть пока еще никому не удавалось...

Увлеченный бурной законотворческой деятельностью белорусский парламент не удосужился принять закон о КГБ. И в проекте новой конституции Республики Беларусь понятие государственной безопасности куда-то исчезло, зато широко употребляется термин «национальная безопасность». Где-то в коридорах власти блуждает закон об архивах РБ. Не грех подумать и об элементарном слагаемом любого демократического общества — Законе о государственной тайне и сроках ее хранения. Тогда и на минском деле Ли Харви Освальда можно будет поставить точку.

СЕМЕН БУКЧИН

И УВИДЕЛ Я ОТВЕРСТОЕ НЕБО...

СУДЬБА ФИЛОЛОГА ВЯЧЕСЛАВА ЗАЙЦЕВА

Кажется, это было осенью 1964-го... На Белорусском телевидении, где я тогда служил, разнеслась новость: перед сотрудниками выступит с лекцией Зайцев. Новость эта была окружена ореолом одновременно тайны, полузапрета и невроза. Одним словом, ожидалось нечто неодобряемое властями, но еще возможное и потому волновавшее публику.

В большой студии расставили стулья для слушателей, и вот вышел лектор. Высокий, стройный, с резкими чертами мужественного лица. Во всей фигуре энергия, решительность. Голос громкий, речь великолепная. О чем рассказывал тогда Вячеслав Кондратьевич Зайцев? О космических пришельцах. О пришедших на Землю из космоса тысячи лет назад. Они принесли нам христианскую идею. И сам Христос был посланником некоей высшей цивилизации. Во время лекции демонстрировались слайды: следы космических кораблей в пустыне, загадочные наскальные надписи и рисунки и еще что-то очень интересное.

Признаюсь, слушал я вполуха. Более всего меня интересовал сам лектор, от которого веяло значительностью личности, культурой. Вскоре в одном приватном доме, за гостевым столом произошло наше знакомство. Зайцев, великолепный рассказчик, остроумец, был в центре внимания. А потом судьба распорядилась так, что редакция академического журнала, нового места моей службы, и отдел Института литературы АН БССР, где Зайцев был старшим научным сотрудником, оказались рядом, на одном этаже, в одном коридоре. И начались наши долгие беседы. Увы! — несмотря на старания Вячеслава Кондратьевича зажечь меня, я оставался глух к его религиозно-космическим идеям и рассказы об их таинственных звездных проявлениях слушал с невозмутимой мне терпеливой вежливостью. Слушал, потому что тянуло меня сильно к этому человеку. Мне и сейчас, спустя долгие годы, трудно определить причину этой тяги. Наверное, все-таки дело было в том, что на сероватом провинциальном фоне Зайцев резко выделялся своей непохожестью, независимостью. Да и судьба его ко времени нашего знакомства была особой, за ней тянулся шлейф своеобразного диссидентства.

Уже после его изгнания из Академии наук, после тюрем, психушек, почти за два года до смерти Зайцева, а если быть точным, то 6 февраля 1990 г. я пришел к нему домой, в крохотную квартирку на Первомайской улице в Минске, чтобы «привести в порядок», выстроить хронологически всю эпопею его жизни, о которой хотелось рассказать в печати.

Вячеслав Кондратьевич шутливо называл себя «ровесником Великого Октября» — он родился 18 сентября 1917 г. в деревне Хлябинино, в Башкирии, куда в конце прошлого столетия переселился с семьей его дед по отцу, украинский крестьянин Сергей Яковлевич Заец. Дед бондарничал, отец был умелым слесарем. Их Зайцев считал своими главными жизненными учителями. Дед как-то сказал, глядя на красный галстук внука: «Ой, диты, погибнете вы со своими коммунизмами!» От отца услышал: «Бог есть. Советская власть это дорога в ад». Как-то, видимо, отразились эти беседы на юном Вячеславе — из пионеров его исключили. Формальный повод: подобрал на перроне станции листовку, агитирующую против колхозов

В 1935 г. Зайцев окончил Уфимский механический техникум и стал трудиться техником-технологом там же, в Уфе, на строительстве громадного нефтеперегонного завода. «Я, можно сказать, стоял у истоков большой химии в Башкирии!» В эти годы серьезно занялся английским, вообще сильно потянуло к знаниям. Сделал неудачную попытку поступить в Ленинградский университет в 1938 г. А в следующем поступил-таки, но в Пушкинский сельскохозяйственный институт. И быть бы Зайцеву агрономом, но подоспел военный призыв. Он выбрал флот. И семь лет «протрубил» на Дальнем Востоке — с осени 1939 до конца 1946 г. в погранвойсках. А поскольку командовал ими сам шеф НКВД Лаврентий Берия, то и идеологический режим был соответствующий: офицеру невозможно было быть вне партии. И как ни крутился Зайцев — пришлось вступить в эту совсем не привлекавшую его организацию. Припугнул и смершевец, показал бумажку из личного дела, а в ней: «Политически неблагонадежен». Думал — не примут... Но почему-то приняли. А когда пришел «дембель», начальство в порыве откровенности напутствовало: «Будь осторожен, Зайцев. Высказывания у тебя, знаешь ли, не те...» Он и сам знал, что не может быть в любимцах у советской власти: деда раскулачили, отец отсидел десять лет, бежал из Дмитровлага...

Но очень хотелось учиться. И была зацепка... В Уфе, на нефтеперегонном, познакомился он с Маргаритой Константиновной Гринвальд, давней приятельницей знаменитого историка, академика Тарле. Маргариту Константиновну выслали из Ленинграда по «кировскому делу». Зайцев брал у нее уроки английского и от нее же получил рекомендательные письма. А в московском «доме на набережной», описанном Юрием Трифоновым, его приветливо встретил Тарле и дал письмо к Вознесенскому, ректору Ленинградского университета, брату репрессированного позже известного экономиста и члена Политбюро, о котором, обыгрывая известное выражение, говорили: «Персона брата». Дело осложнялось еще и тем, что поступал Зайцев в середине учебного года, а принимать в вуз в это время запрещал приказ министра. И все-таки приняли, правда, без стипендии и общежития.

Так стал Зайцев студентом отделения славистики филологического факультета. А в 1948 г. второкурсника Зайцева исключили из партии: за космополитизм, за признание формализма в искусстве, за философский идеализм. Бойкий на язык студент часто выступал на семинарах, цитировал Библию, призывал разобраться что к чему... С ним и разобрались. Времена стояли жесткие — конец 40-х...

Среди сотрудников Института литературы. 1965 г. Вячеслав Зайцев четвертый справа, слева от него Владимир Короткевич.

... Вот здесь и прервалась наша встреча с Зайцевым, прервался его рассказ, который я сейчас воссоздал по записи. Уговорились встретиться позже, чтобы продолжить. И это «позже» растянулось на годы. То у меня не было времени, то он надолго уезжал из Минска — был неутомимым путешественником, снова разъезжал по стране, выступал в разных аудиториях, может быть, стремясь наверстать то, что у него забрали тюрьмы и психушки.

В начале апреля этого года я вернулся из продолжительной зарубежной поездки и случайно встретил Зайцева у главного корпуса Академии наук. Я был со спутником, мы разговаривали. Зайцев прошел мимо и ожег меня взглядом. Это был по-зайцевски суровый упрек в необязательности. Я сказал себе: «Вот отряхну первые, самые срочные дела, позвоню...»

18 апреля Зайцев умер от почечной недостаточности во Владимире. Простите меня, Вячеслав Кондратьевич! Mea culpa!

Я продолжаю рассказ, но уже не со слов Зайцева, а суммируя узнанное ранее и собранное после его смерти. Видимо, на либеральной «оттепельной» волне 50-х годов Зайцев был восстановлен в партии. К тому времени он закончил университет, аспирантуру, стал преподавателем Ленинградского университета. Его имя, слависта, исследователя литератур южных славян, знатока «Дубровницкого возрождения», переводчика поэмы хорватского классика Ивана Гундулича «Осман», с уважением произносят в кругах специалистов в СССР и за рубежом.

Филологические интересы по-своему переплетаются с давней страстью Зайцева — исследованием космических реминисценций в памятниках древнейших литератур. Космос для него тайна, но поддающаяся расшифровке. Так формируется захватывающая его до конца жизни тема: «Космос и Библия». В Библии он видит не только исторический источник и литературный памятник, но и предсказание всего пути человечества.

Конечно же, это была крамола. Человек с такими взглядами не имел права учить студентов. И доцента Зайцева увольняют из Ленинградского университета. Почему он бежал в Минск — не знаю. Кажется, были какие-то рекомендации. Так или иначе, но слависта с именем в 1964 г. берут на должность старшего научного сотрудника в Институт литературы АН БССР. Зайцев работает с полной самоотдачей, вдохновенно. Культура белорусского средневековья, эпохи Возрождения — это Калифорния, которую еще надо откры-

вать. В «Истории белорусской литературы» (1968 г.) он с блеском вписал Скорину в контекст европейского Возрождения.

Он не был одинок в Минске. Как и в Ленинграде, здесь тянулись к нему люди. Близко сошелся Зайцев в эти годы с Владимиром Короткевичем. Эрудитам, знатокам славянской истории, им было что обсудить... В эти годы углубляется религиозный поиск Зайцева. Сплав христианской философии, библеистики, филологии рождал прозрения, которые наполняли его работы «не для печати», которые буквально выталкивали его к людям — на полуподпольные лекции в институтах, библиотеках, частных домах.

Зайцев не был диссидентом в привычном, политическом, «антисоветском» значении этого слова. И, несомненно, он был диссидентом — по духовному противостоянию Системе. Его Христос, пришедший из Космоса, был противником советского тоталитаризма. Власть чувствовала сопротивление упрямого одиночки. Тем более, что какие-то публикации ускользали из-под ее контроля. Так Зайцев совершенно неожиданно «вынырнул» с большой работой «Боги приходят из космоса» в альманахе «Байкал» (NN 5—6 за 1967 г. и N 1 за 1968 г.). Редактора сняли, но книжки альманаха с зайцевской статьей стали библиографической редкостью и продавались спекулянтами за умопомрачительную по тем временам цену.

Атаки на Зайцева шли в центральной печати. Газета «Известия» (1969, N 144) объявила его «союзником западных богословов». Академик Фесенков в журнале «Советский Союз» (1968, N 11) заклеймил космическую гипотезу Зайцева как антинаучную. Ну и пусть бы спорили ученые. Но разве мог «советский филолог» иметь какие-то свои, «неразрешенные», «неутвержденные» официально взгляды на происхождение христианства? Разве мог член партии давать интервью в нашумевшем фильме западногерманского режиссера Деникена «Воспоминания о будущем»?

В Москве еще только почесывались, а в провинции уже обмирали от страха. Свой крамольник объявился! Надо принимать меры! А у Зайцева между тем готова великолепная докторская диссертация, разослан автореферат и назначен день защиты. И тут возмутились в ЦК КПБ: не быть Зайцеву доктором. А чтоб академики не выполнили волю ЦК — такого не бывало. Начинается травля Зайцева в парткабинетах. Прямой и горячий человек, Вячеслав Кондратьевич чуть ли не в лицо швыряет академическим бонзам билет члена КПСС, полученный в 1941 г.

И вот приходит момент наивысшего позора в современной истории Института литературы АН Беларуси. Передо мной протокол заседания сектора белорусской дооктябрьской литературы и текстологии от 9 сентября 1975 г. Я привожу выдержки из него не злорадства ради, не из желания попрекнуть коллег. Но если мы собираемся в новой Беларуси строить справедливое общество, так давайте восстанавливать всю историю, без утайки. Кого-то из «действующих лиц» этого документа уже нет в живых, кто-то «в строю». Но, как сказал крутой русский критик Дмитрий Писарев, «остаются факты».

Итак, в повестке дня единственный вопрос: «О переизбрании на должность старшего научного сотрудника Зайцева В.К. на новый срок».

«Коршунов А.Ф. отметил, что Зайцев не прислушивался к замечаниям товарищей. Его первая работа в институте отличалась перекосом исторических фактов. А последняя («Белорусская полемическая литература XYI — XYIII веков») — это богословская апология христианства. Зайцев нетерпим к критике. Он даже положил партбилет. Апелляции после исключения из партии не подавал. Это значит, что остался на своей позиции, которая нас не может удовлетворить как идеологическое учреждение. Парторганизация постановила не рекомендовать Зайцева к переизбранию».

«Борисенко В.В. сказал, что бесклассовых, беспартийных ученых не бывает, а Зайцев все это отрицает — и цензуру и проч. Его поведение недостойно звания советского ученого и коммуниста».

«Казберук В.М. Отметил, что Зайцев противопоставляет себя редактору написанной им книги».

«Дорошкевич В.И.: Перед нами оригинал, а не человек».

«Чемерицкий В.А.: Работы Зайцева как слависта известны в научных кругах. Он внес что-то значительное в исследование белорусской литературы. И вместе с тем Зайцев не рос как белорусист. В центре его последней работы старец Артемий как национальный герой. Это недопустимо в методологическом смысле».

Этот жалкий лепет, эти попытки подвести под расправу с ученым некую научную базу откровенно отбрасывает заведующий сектором Ю.С.Пширков: «Есть решение парторганизации: не рекомендовать Зайцева к переизбранию на новый срок».

«Зайцев В.К. от заключительного слова отказался».

Стиль протокола бесстрастно выдает, что это было: собрание ученых или судилище.

Его уволили за два года до пенсии, буквально оставили без куска хлеба. Но не оставили друзья, люди, дорожившие его словом. Зайцев снова в поездках, в лекционных турне по стране. Он выступает в битком набитых залах Института атомной энергии им.Курчатова, Института физики высоких температур, Института истории естествознания и техники... Молодая научная элита с громадным интересом посещает его лекции. «Мифы древности и современность», «Эволюция вселенной и разум», «Природа загадочных явлений» — на эти и другие его выступления люди приходят с блокнотами, магнитофонами... Это было не сродни современной тяге к чудесам, астрологии и всяческой мистике. Тогда это было прорывом к «другому знанию», к действительно новому мышлению.

Незапланированное «просвещение народа» волновало власть не только своей недозволенностью, но и, повторюсь, очевидной критикой Системы. Власть думала напугать Зайцева, уволив его с работы. Ведь такое увольнение — это всегда первый тревожный звонок, суровое предупреждение. Но власть не знала, на кого напала. Зайцев был тверд как скала. И сломить его, сбить с пути было невозможно. Но и у Системы была своя отработанная метода по отношению к таким людям: их арестовывали, объявляли сумасшедшими и надолго упрятывали в психушки.

23 ноября 1978 г. органы КГБ арестовали Зайцева в Москве. С 14 февраля по 7 марта 1979 г. его продержали в печально известном московском Институте судебной психиатрии им. Сербского. Здесь деятели «карающей медицины» быстро состряпали документ о том, что Зайцев шизофреник и его следует направить на принудительное лечение. Но надо было соблюсти форму законности.

15 июня 1979 г. в здании Верховного суда БССР, что на улице Ленина в Минске, состоялся очередной фарс. Судебная коллегия по уголовным делам под председательством И.А.Алешина «в открытом судебном заседании рассмотрела дело в отношении Зайцева Вячеслава Кондратьевича, русского, кандидата филологических наук, исключенного из членов КПСС в 1974 г., не судимого ранее, женатого, пенсионера». О том, что происходило в этот день в Верховном суде красноречиво рассказывает самиздатское «Экстренное приложение к альманаху «С русской Голгофы»:

«К десяти часам возле главного зала собралось несколько человек — мужчин и женщин разного возраста. Все растерянно поглядывали друг на друга: почти никто не знает — кто рядом. Когда пригласили в зал, обнаружилось, что одного не пустили. На сцене, как обычно, судья Алешин и два заседателя. Слева прокурор, справа защитник. В зале 10 свидетелей, из них только двое мужчин. А еще 7 молодых людей в штатском и 5 милиционеров. Подсудимого НЕТ.

Так и шел этот процесс, без подсудимого. Начинают вызывать свидетелей и совсем непонятно: о чем разговор, в чем провинился отсутствующий подсудимый? Вопросы всем одни: читали материалы Зайцева? видели его? откуда знакомы? Время идет медленно, свидетели нервничают, по всему видно, что они боятся. На лицах женщин красные пятна, в глазах растерянность, чуть ли не слезы. Говорят о Зайцеве только одно: «Умный... эрудированный... очень интересный человек... слышали его на лекциях...»

Всем задается один вопрос: «Не казался ли вам Зайцев странным, не заметили ли вы за ним чего-то такого?..» Все говорят одно: Нет». Но, судя по всему, этот ответ не очень интересует судей...

А потом заседатель читает «Определение».

Что же установил «высокий суд»? Оказывается, Зайцев «в своих религиозно-мистических сочинениях допускал ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй». «Устраивал на частных квартирах сборища», на которых тоже «допускал»... В общем, надо бы судить Зайцева по статье «антисоветская пропаганда и агитация». Но как же тогда быть с международной разрядкой? Все-таки известный ученый. Получается, что у нас судят за взгляды. И тут оглашается спасительный документ: во время следствия в Москве Зайцев признан невменяемым. Следовательно: от уголовной ответственности освободить и направить на принудительное лечение в психбольницу закрытого типа. И все дела. Постановление суда «кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит». Какие могут быть обжалования, когда подсудимый сумасшедший?

Всего три страницы содержит «Определение», с которым меня недавно познакомили в Верховном суде Беларуси. Но где же само судебное дело? Картотека Верховного суда дает точную справку: в КГБ суверенной Республики Беларусь. И насчитывает оно ни мало ни много — аж семь томов. Редакция «Европейского времени» обратилась в Верховный суд — дайте возможность ознакомиться с делом Зайцева. Суд обратился за делом в КГБ. А из этой организации известий пока нет. Что ж, подождем, хотя понимаем, что надежды мало. Ведь в деле доносы и допросы ныне здравствующих и фамилии тех, кто вел эти допросы, кто организовывал дело Зайцева»...

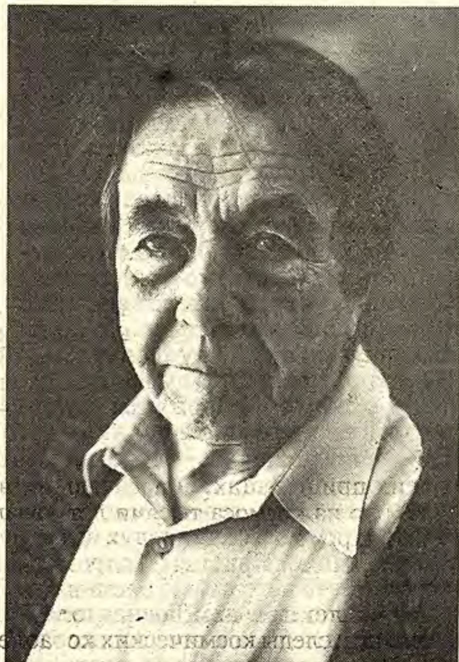
А пока мы публикуем рукопись, найденную в бумагах Зайцева после его смерти. Эти записи он наспех набросал по просьбе одного знакомого. Это именно отклик на просьбу рассказать о своей тюремно-психушечной истории. Отклик торопливый, эмоциональный, фрагментарный. Но в этих нескольких страничках весь Зайцев — живой, умный, горячий, непримиримый, человечный, верящий в Бога.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ

КАК МЕНЯ УЧИЛИ ЛЮБИТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Несколько слов о себе: кто я, откуда и куда иду. Сначала расскажу, как меня учили любить советскую власть.

В партию я вступил в августе 1941 года. Уже шла война, был объявлен «сталинский призыв» в партию. А я в это время служил в погранвойсках, которыми командовал никто иной как Л.Берия. Вот и пришлось вступить — хочешь-не хочешь. Тридцать три года я сгорал от стыда и позора от сознания, что состою в одной партии с кремлевскими людоедами. Но в апреле 1974 года я пошел на большой риск: положил свой партбилет в парткоме Академии наук Белоруссии и освободился от чужой власти.

На мою голову сразу свалилось многое: меня уволили из Академии, где я работал старшим научным сотрудником, лишили права печататься, жене запретили защищать диссертацию («Пока вы Зайцева, — сами понимаете!» — говорил ей заведующий кафедрой). И не только это... Но я не сдавался. С энтузиазмом обратился к своему любимому занятию — религиозной пропаганде, переезжая из города в город, выступая в различных местах, в основном, в государственных учреждениях. По пятам ходили «добры молодцы» из КГБ. Бывало, во время выступлений на частных квартирах, раздавался дверной звонок: «Водопроводчика вызывали?» И три довольно круглых физиономии настойчиво стремились пробиться в квартиру, хотя никто водопроводчика не вызывал.

А далее дело было так. В ноябре 1978 года меня арестовал московский КГБ. Сказали: за религиозную пропаганду. Поскольку в нашей стране, если верить властям, нет политических преступников, меня отнесли к категории преступников уголовных, хотя статья звучала как вполне политическая: 190 «прим» — сознательная клевета на советский общественный и политический строй.

Меня судили заочно, объявили сумасшедшим, предупредили жену, что если она что-нибудь мне расскажет, она будет лишена права переписки со мной, будут запрещены свидания и передачи вещей и продуктов. Присудили мне строгий режим содержания.

Пришлось мне немало удивляться: я, кажется, не сделал ничего против принципа человечности, но меня начали таскать из тюрьмы в тюрьму. Всего я «посетил» 11 тюрем, 3 сумасшедших дома, не считая транспортировки в нескольких «столыпинских» вагонах. Хорошо изучил изнанку советской жизни.

Ровно через 2 года пребывания в не столь отдаленных местах меня решили освободить, но сказали, что надо подождать недельку-другую до утверждения решения московским КГБ. Вместо «недельки» я ждал месяца полтора. Наконец, сообщили, что мне удвоили срок. Удвоил КГБ Москвы без объяснения причин. Видимо, так проще.

(Окончание на стр. 14)

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ

КАК МЕНЯ УЧИЛИ ЛЮБИТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

(Окончание. Начало на стр. 13)

Но настал день, когда я узнал, почему ко мне проявлено такое внимание. В смоленской городской тюрьме произошло следующее. Я сидел в одиночном карцере, в темноте, сырости, в обществе восьми видов насекомых. Ко мне в карцер стекала вся канализация с четырех этажей тюрьмы (у нас везде и все испорчено. Тюрьмы — не исключение). Однажды услышал, что к дверям кто-то подошел. Сквозь щель в дверях было видно, что это «корпусной» начальник. Он спросил караульного: «Кто у тебя тут?» — «Не знаю, наверное, дурак какой-то», — ответил тот (они всех «сумасшедших» называют дураками). «Сейчас посмотрим», — ответил начальничек. Он стал перебирать карточки, заполненные на каждого «зэка». Нашел мою и начал вслух читать ее содержание. Наконец, бодро сказал: «Нет, это не дурак. И очень даже не дурак. Это ему наша родная советская власть устроила поездку по местам заключения, чтобы он научился больше любить ее, нашу милую и дорогую». Говорилось все это с большой долей юмора.

Я начал догадываться: цель «экскурсии» состояла в том, чтобы сломить волю, терроризировать, запугать, устрашить, чтобы заключенный сам запросил пардону.

Все подтвердилось впоследствии. Однажды товарищ при погонах, проглядываемых сквозь белый халат, вызвал меня и стал осторожно выспрашивать, нет ли у меня позывов к покаянию, не фиксирую ли я в себе побуждений обратиться с какой-либо просьбой, не чувствую ли я в себе каких-то изменений во взглядах. Мне пришло на ум: «Я, как кубанский казак, про которого поется: «Каким ты был, таким остался». Товарищ все понял и не стал ничего комментировать... Для меня тюремные «труды и дни» продолжались. Впоследствии я узнал, что заочный суд надо мной происходил в Верховном суде в Минске. Потом стало известно, что меня лишили пенсии.

Тюремное время течет быстро...

Однажды меня вызвал в свой кабинет другой «товарищ» в погонах, опять-таки прикрытых белым халатом.

Он: У вас за границей есть знакомые?

Я: Есть и много.

Он: Кто у вас в Новой Зеландии?

Я: Не помню. Вы ведь отобрали у меня телефонную и адресную книжку. А в чем дело?

Он: Вам оттуда пришла посылка. От кого, как вы думаете?

Я: Посмотрите обратный адрес. А что в посылке?

Он: Это мы вам не скажем.

Я: Чего же вы хотите?

Он: От вас требуется письмо в газету такого-то содержания: «Я (такой-то, такой-то), как советский гражданин, с возмущением отказываюсь от каких бы то ни было посылок из-за границы, так как я ни в чем не нуждаюсь, будучи в здравом уме и трезвой памяти... Примерно так».

Я: А если в посылке Библия или иная христианская книга, в которой я нуждаюсь, а я, проявив трусость, невежество и бескультурье, откажусь от нее, — хорошо ли это будет? Нет, я писать ничего не буду.

Он: А кому вы сообщали ваш адрес?

Я: Я не понимаю вашего вопроса.

Он: Посылка пришла не на гражданский, а на служебный, шифрованный адрес, который никому не сообщается. Получилось безобразие.

Я: У меня спереди оконная решетка, а сзади железная дверь. Кому и что я мог передать? Видимо, это кто-то из ваших коллег плохо бережет служебные секреты.

Он (по телефону): Товарищ полковник, Зайцев отказался писать письмо в газету. (Мне) Идемте, я проведу вас.

Меня вызывали трижды. Результат был один.

Во время одного из рейсов в «столыпинском» вагоне мне пришлось стать свидетелем того, как сопровождающие вагон сержантики деятельно торговали девочками, транспортировавшимися в этом же вагоне из какого-то места заключения в другое. Вышеуказанные стражи ходили от купе к купе и сквозь решетки вели переговоры с зэками. За десятку можно было «поиметь удовольствие» с девицей по своему выбору. Деньги поступали, конечно же, не самим девочкам. Вся эта торговля осуществлялась после того, как сержантики уже удовлетворили свои «запросы».

Торговали стражи не только девочками, но и одеколоном («пузырь за десятку», т.е. так же, как и в случае с «покупкой удовольствия», та же цена), водки или вина у них почему-то не было, хотя до перестроечных строгостей было еще далеко, как до неба. Но спрос на «градусы» был велик.

Транспортировали нас с необъяснимыми строгостями. Был случай, когда нас троих (двое мужчин и одна женщина), окружив плотным кольцом, сопровождали 16 человек, вооруженных АВС с примкнутыми штыками, причем живыми «свидетелями» и участниками всего этого шествия были собаки, яростно стремившиеся укусить нас, бесившиеся от одного нашего вида. В другом случае, один ослабевший и больной мужчина, споткнувшийся и выбившийся из «походного» ритма, был укушен собакой, которой была дана соответствующая команда (обычно это звучит «фас!», после чего собака буквально заходится от ярости).

Когда маршрут следования привел в Минск, нас высадили где-то среди пакгаузов. Неподалеку проходило гравийное шоссе. Только что прошел ливень и шоссе было покрыто грязевой жижей нам по щиколотку. Нас встретил многочисленный конвой со старшим лейтенантом во главе, который почему-то непрерывно сыпал страшными ругательствами на все буквы, его трясло (в буквальном смысле слова) от ненависти к нам. Он нам приказал садиться прямо в жижу на шоссе. Когда выяснилось, что мы не можем поместиться в «воронок», одной из собак была дана команда, она стала кусать задних, и хочешь-не хочешь нам удалось до предела спрессоваться в «воронке».

Во время заключения привыкаешь оценивать, философствовать. Приходишь к определенным выводам. Один из них, сделанный мною, можно сформулировать так: вся советская система тюрем, лагерей, ссылок и т.д. — это система не исправления человека, а подавления его воли и духа, искажения его природы. В условиях тоталитарных держав это система мести государства несогласной с его законами и установками личности, сумевшей догадаться, что так называемый закон — это всего-навсего узаконенное беззаконие, выгодное правящему классу. В комплекс мести входят способы унижения, оскорбления человека, растления его внутренних принципов. Чтобы убедиться в правильности подобного вывода достаточно сравнить человека до и после заключения. Выйдя из тюрьмы, он всегда хуже, чем вначале, до поступления под «власть закона»

Второй вывод таков: все, что называется марксизмом-ленинизмом, социализмом, коммунизмом, коммунистической партией, — не имеет морального права существовать на Земле. Все это античеловечно и отражает сатанизм и злодеяния власть предержащих. История подтверждает этот вывод: в настоящий момент уже многие страны излечились и продолжают излечиваться от коммунизма, этой красной чумы XX века.

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

ОПАСНЫЙ СИНДРОМ

Публика интересуется: «Какова реакция на первый номер "Европейского времени"?» Реакция разная — как и должно быть. Ощутили мы на себе и внимание из «высших сфер». Кое-кто, пользуясь своим креслом и связями, пытается удушить газету на корню. Фактов мы пока привести не можем — эти люди, как и в недавние времена, работают, не оставляя следов. И все-таки «нутро» свое им скрыть трудно. Из немудреных запасов черносотенной пропаганды извлекается ярлык и навешивается на газету.

Что ж, мы и без того имели немало уже примеров, чтобы убедиться: сменилась только вывеска, а начинка осталась та же — смердючая... Суверенные феодалы научились расточать сладкие улыбочки западным послам и премьерам, научились уверять с высоких трибун, что они давно расстались со всяческими «измами». Но у себя дома можно и рас-стегнуть жилетку. И цыкнуть в кабинете и брякнуть по телефону...

Мы предупреждаем наших «жирных котов». Есть честные граждане в Беларуси. Есть европейское общественное мнение.

Мы обращаемся ко всем, кому дорог голос независимой прессы. Расчетный счет газеты «Европейское время» 1609511 в Белбизнесбанке (код 739).

ДЖОЭЛ СЭМЮЭЛ (США)

ПОБЕЖДАЕТ ТОТ, НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ УВАЖЕНИЕ ЖУРНАЛИСТОВ

Возможно, самую большую ошибку допустил Гэри Харт на первичных выборах кандидата в президенты от демократической партии в 1984 году. Гэри считался сильным кандидатом, способным противостоять Рейгану на ноябрьских выборах, но он позволил себе бросить вызов средствам массовой информации, потребовав доказать выдвинутые против него обвинения в супружеской неверности. К несчастью для сенатора из Колорадо и его многочисленных сторонников, одна из газет — «Майами геральд» — приняла вызов и выбила сенатора из борьбы.

Вместо того, чтобы просто опровергнуть слухи, Харт предпочел бросить вызов средствам массовой информации. Из этой ошибки следовало извлечь урок.

Четыре года спустя, в 1988 году, успех Буша в последние три месяца предвыборной кампании был в значительной мере предопределен тем, что он публично подверг сомнению суждения своего оппонента Майкла Дукакиса. Будучи не в состоянии отразить нападки средств массовой информации Дукакис капитулировал перед ними.

Происходящая сейчас борьба за Белый дом, за которой пристально следят американские избиратели и зарубежные политические обозреватели, свидетельствует о том, что уроки были извлечены.

Демократ Билл Клинтон, искусно маневрирующий среди ловушек, расставленных ему средствами массовой информации, опередил по популярности своих соперников. Судя по двум эпизодам, имевшим место в ходе первичных выборов, Клинтон помнит, как были торпедированы прессой его предшественники.

Так, когда возник вопрос о супружеской неверности Клинтона, он заявил: это его личная проблема, которая касается лишь его самого и его жены Хилари. Ответ Клинтона, возможно, был равнозначен признанию им прошлой неверности, но он напомнил средствам массовой информации и тем самым американскому народу, что вмешательство общественности в личные дела не всегда допустимо.

Средства массовой информации не стали бороться с Клинтоном, отчасти признав правоту его слов и, что более важно, заметив нежелание американской общественности участвовать в разрушении его семейной жизни. В результате этот вопрос отступил на второй план.

В то время как Буш и независимый кандидат Росс Перо отказались участвовать в ночных теле- и радиодебатах, Клинтон выступил один с ответами на вопросы о своих взглядах. Конечно, порой он был уклончив, но в главном свою позицию изложил четко.

В отличие от Клинтона, которого критиковали за стремление угодить всем, Перо просто не в состоянии был четко изложить свою позицию по ряду важнейших проблем.

Неумение Перо эффективно использовать прессу как средство общения привело к тому, что небольшая рябь на поверхности воды превратилась в огромную волну. Та же самая пресса, которая вознесла Перо, почти уничтожила его. Предав гласности причастность Перо к давним сомнительным финансовым сделкам, пресса побудила американцев пересмотреть свое эйфорическое отношение к третьему кандидату в президенты. Теперь Перо придется признать значение прессы как эффективного средства общения с американским народом.

В осенние месяцы Клинтон станет объектом яростных нападок со стороны агрессивных комментаторов коммерческих теле- и радиопрограмм, а когда пожелтеет листва, его успех будет во многом зависеть от умения адекватно отреагировать на эти нападки. Клинтон извлек урок из ошибок Гэри Харта. Пока еще он не столкнулся с такими трудностями, какие создал Буш для Майкла Дукакиса в 1988 году.

Воздействие средств массовой информации на предвыборную кампанию возросло настолько, что они превратились в главную угрозу для кандидатов. Поздним вечером 3 ноября победителем станет тот, кто завоюет уважение журналистов.

«Новое время», 1992, N 34
(печатается с сокращениями)

СРЕДИ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

«Поэт Сергей Законников сказал, что под бело-красно-белым стягом уютно устроились бывшие, которые стали сегодняшними» (Андрей Никольский. «Знакомые лица, знакомые слова...» — «Народная газета», 27 августа 1992 г.).

И это говорит бывший заведующий сектором литературы идеологического отдела ЦК КПБ, получивший в награду за верную службу пост главного редактора журнала «Полымя»? Кто же, в таком случае, эти «бывшие», Сергей Иванович?

* * *

«Поиски Янтарной комнаты идут много лет. А о могилевской Золотой комнате, судьба которой мрачная тайна, 99,99% населения Беларуси (не говоря уже про СНГ, Европу) даже не слышало» («Демос», 1991 N 1).

«Демос», издающийся в Минске на русском и немецком языках, называет себя «европейским народным журналом». Его центральная тема — немецко-белорусские контакты. Интересное и разнообразное содержание первого номера, высокая полиграфическая культура издания внушают надежду, что «Демос» сможет достойно представлять Беларусь на европейском информационном рынке.

* * *

«Когда портье в гостинице проведала о цели моей командировки — исследовании новых политических движений в Беларуси, — она долго смеялась. «У нас нет их вообще, лучше сразу возвратиться в Москву», — так встретил меня Минск политический» (Эдуард Дорожкин. «Страна без президента». «Столица», 1992, N 36).

Ну, во-первых, не политический, а, скажем так, коммунальный или гостинично-хозяйственный. В статье корреспондента суперлиберального московского журнала есть точные наблюдения. Но преобладает стиль докладной миссионера, забравшегося в джунгли к папуасам. *Например, из той же статьи можно узнать, что минчане ведут «целые дискуссии в общественном транспорте» по поводу произношения фамилии лидера БНФ, но вместе с тем «разговоры в Минске вялотекущие, пустые». И вообще «в Беларуси тишь да гладь».* А чего, собственно, хочется корреспонденту «Столицы»? Прибалтийской, киргизской или молдавской ситуации? Конечно же, нет. Значит, чтобы ушла номенклатура со своей очевидной тягой к «казарменному социализму», а ее место заняли настоящие демократы-реформаторы? Но либеральной Москве давно уже пора понять, что белорусские дела — это зеркальное отражение московских процессов. Начиная с независимости...

ИЗ НАШЕЙ ПЕРЕПИСКИ

В N 1 «ЕВ» (статья Андрея Белорусова «Кормимся, господа?») мы писали о мягко говоря неблагожелательном послании министерства информации РБ, полученном редакцией за два месяца до его выхода. В связи с этим министерство информации направило нам письмо.

«Галоўнаму рэдактару газеты «Еўрапейское время» С.У.Букчыну. Паважаны Сямен Уладзіміравіч! Шчыра віншую Вас з выхадам у свет першага нумара газеты «Европейское время».

На вялікі жаль, гэтая радасная для рэдакцыі падзея азмрочана прыкрым, недарэчным фактам: беспадстаўным пісьмом — папярэджаннем з боку Міністэрства інфармацыі, якое было накіравана Вам у ліпені г.г. за маім подпісам. Дапушчана сур'ёзная памылка, і я прашу прабачэння за гэта у Вас, калектыву рэдакцыі і чытачоў газеты «Европейское время».

Спадзяюся, што Вы знойдзеце магчымасць надрукаваць гэтае пісьмо на старонках Вашай газеты.

З пажаданнямі шчаслівага журналісцкага лесу і вялікіх творчых набыткаў маладому калектыву рэдакцыі Намеснік міністра І.А.Карэнда».

Мы принимаем и поздравления и извинения. Считаем инцидент исчерпанным.

Spiritus flat ubi vult

Свободный дух веет, где хочет

«ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ»

Международное обозрение.
Республика Беларусь.
Издание зарегистрировано в Министерстве информации РБ, N 542

Главный редактор
Семен БУКЧИН

FINITA

ФЕЛЬЕТОН

НАКАНУНЕ ПРИСЯГИ

ЗАПИСЬ ОДНОГО ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА, СДЕЛАННАЯ ОДНОЙ СПЕЦСЛУЖБОЙ.

Председатель Верховного Совета: — Алло, это министр обороны? Это говорит Председатель Верховного Совета. Ну, что вы там надумали у себя в министерстве по поводу этой присяги?

Министр обороны: — Знаете, господин председатель, мои советники перерыли уйму архивных документов, но не обнаружили в истории подобного прецедента: чтобы военную присягу принимал депутат парламента, пусть даже лидер патриотических сил.

Председатель Верховного Совета: — Прошу вас, господин министр, учесть, что бывают ситуации, когда государственные интересы диктуют может быть даже создание собственного прецедента.

Министр обороны: - Но ведь есть, черт возьми, конституция! Почему вы позволяете нарушать ее? Если каждому депутату вздумается принимать присягу у военных, вы представляете, что из этого может выйти?

Председатель Верховного Совета: — Ну и что из этого может выйти?

Министр обороны: — А то, что завтра нас заставят маршировать перед женой лидера патриотических сил. Или перед его тещей. Теща будет принимать парад в честь дня независимости.

Председатель Верховного Совета: — Какая теща? Что за чепуху вы мелете? Имейте в виду: конституция не отменяет патриотических настроений в обществе.

Министр обороны: — Позвольте, позвольте! Я тоже патриот нашего государства. Но должен быть порядок! В конце концов, у лидера патриотических сил нет даже самого маленького воинского звания.

Председатель Верховного Совета: — Вот это действительно проблема, которую нужно решать. Как вы полагаете, какое звание можно было бы присвоить лидеру патриотических сил, чтобы это было прилично в данной ситуации?

Министр обороны: — Ну, я не знаю... Вообще-то он, по нашим данным, от службы освобожден и даже в запасе не числится...

Председатель Верховного Совета: — Что вы там мямлите?

Министр обороны: — Я говорю, дать лейтенанта — вроде неудобно, а генерала — так ведь засмеют.

Председатель Верховного Совета: — Почему это засмеют? Мы можем и маршала дать. Если захотим...

Министр обороны: — Вы что, забыли застойные времена, когда генералов и маршалов давали направо и налево? У нас теперь, слава Богу, демократия, суверенитет. Мы ни от кого не зависим.

Председатель Верховного Совета: — Вот я и говорю: поскольку мы независимы, сами и дадим, то есть присвоим звание, какое пожелаем...

Министр обороны: — Ну какой вы непонятливый, господин председатель? Да ведь нашим генералам будет обидно. Они столько лет этого звания добивались, а тут какой-то и сразу... на тебе... получи...

Председатель Верховного Совета: — Во-первых, не какой-то. Речь идет о лидере патриотических сил. Во-вторых, чтобы ваши генералы не ворчали, мы им подбросим жалованья. Как вы на это смотрите?

Министр обороны: — За хорошее жалованье они перед кем хочешь маршировать будут. Любую присягу примут. Это уж я вам обещаю.

Председатель Верховного Совета: — Вот и славненько, вот и договорились. Значит, дадим ему не ниже полковника?

Министр обороны: — Хватит с него и майора. Вон в дружественной нам африканской стране сам президент имеет звание майора и ничего, доволен.

Председатель Верховного Совета: — Тогда давайте вот что сделаем. Пригласим к нам этого африканского президента-майора, и во время присяги будет он стоять рядом с нашим лидером патриотических сил, тоже майором. Вот ему и не обидно будет.

Министр обороны: — Это уж как вам угодно. Вы только про прибавку жалованья нашим генералам не забудьте.

Председатель Верховного Совета: — Заметано!

Globe Trotter

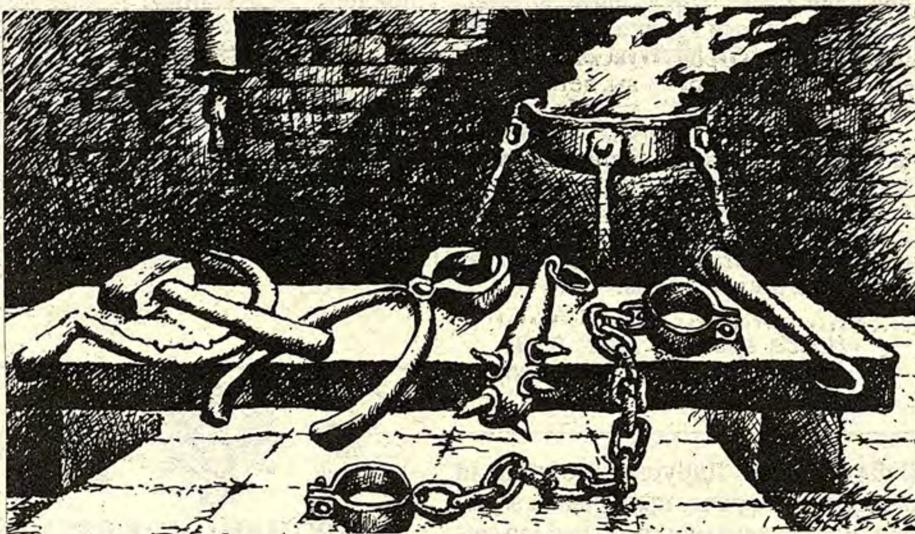

Рис. А. Свинаренко.

РОБЕРТ ОСТРОВСКИЙ,
корреспондент радио «Немецкая волна» в Латвии (специально для «ЕВ»)

КТО, КТО В МОЕЙ ИЗБУШКЕ ЖИВЕТ?

В Латвии назревает крупный социальный конфликт между домовладельцами, которым государство вернуло их собственность, и квартиросъемщиками.

Дело в том, что ни одна из сторон не удовлетворена тем, как защищает ее права закон денационализации. В настоящее время это противостояние вышло на уровень борьбы общественных организаций: в противовес «Объединению законных владельцев» в Латвии появилось «Общество защиты прав квартиросъемщиков и арендаторов». Члены этой организации скрупулезно собирают всю информацию о процессе возвращения имущества бывшим собственникам. Опытные юристы ежедневно ведут прием жильцов, фиксируют все конфликтные ситуации. Ответственный секретарь этой юридической службы Весма Пилмане приводит немало случаев произвола домовладельцев. Хозяева самыми изощренными способами стараются избавиться от так называемых «неудобных жильцов». Это стремление продиктовано, в основном, желанием получить максимальную арендную плату. Например, если простой квартиросъемщик за один квадратный метр площади платит 8 рублей, то с юридического лица домовладелец требует уже по 800 рублей. На первый взгляд это даже справедливо по отношению к простому человеку. На деле же все получается наоборот: каким бы хорошим ни был жилец, хозяин всячески будет его выживать, чтобы вселить в свою квартиру богатого арендатора в лице представителя солидной фирмы. «Преследуя эту цель, — рассказывает Весма Пилмане, — хозяева терроризируют жильцов ежедневными угрозами, отключают газ, электричество, перекрывают краны с водой. Квартиросъемщики в итоге попадают в полную зависимость от хозяина, который не позволяет им обменять квартиру, ни сделать ремонт по своему усмотрению, ни прописать к себе родственников и даже жениться». Весма Пилмане смогла привести немало примеров, когда владельцы домов стараются заключать договоры, в которых много говорится об обязанностях жильцов и ни слова о своих. Домовладельцы самовольно включают в договор пункты, аннулирующие защиту жильцов латвийскими законами. Например, согласно закону, хозяин в течение семи лет не имеет права выселять из своего дома, однако, он навязывает жильцу такой договор, который предусматривает случаи, когда выселение возможно. Так, можно объявить о начале капитального ремонта, а если речь идет о денационализированном магазине, то можно выразить недовольство обслуживающим персоналом и всех уволить.

В свою очередь, члены «Объединения законных владельцев» убеждены, что закон о денационализации закрепляет все законодательные акты советского времени. Поэтому, считают они, у тех, кто до сих пор пользовался чужим имуществом, прав больше, чем у законных владельцев. Председатель этого объединения Анта Бергмане, в частности, протестует против статьи закона, которая запрещает домовладельцу устанавливать плату за наем выше уровня, определенного Советом министров Латвии. «Ведь эта плата так мала, — говорит она, — ее не то что на эксплуатационные расходы — не хватит и на уплату налогов. Правительство должно изменить потолок этой платы, учитывая нынешнюю инфляцию, иначе — выгоднее отказаться от домовладения и получить за это компенсацию».

Возмущены собственники и тем, что закон запрещает им выселять злостных неплательщиков или тех жильцов, которые разрушают квартиры. И как поступать в случае, если арендатор категорически отказывается покинуть дом, когда ему предоставлена равноценная квартира в другом месте?

Перечень претензий, предъявляемых арендаторами и домовладельцами друг к другу, можно продолжать бесконечно. Между тем некоторые чересчур радикально настроенные депутаты призывают своих коллег по парламенту принять такое постановление, которое обязало бы в течение трех месяцев освободить коммунальные квартиры тех жильцов, которые проживают в денационализированных домах без согласия их владельцев. Нетрудно представить себе, что произойдет в Латвии, если это предложение национал–радикальной фракции «Сатверсме» обретет законный статус. Ведь только в одной Риге десятки тысяч семей живут в коммунальных квартирах.

Рига.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

Компьютерный дизайн Н. Герасименок

Телефон редакции: 20-45-67 (с 14.00 до 18.00).
Для писем: 220100, г. Минск-100 а/я 338, «Европейское время».

Индекс 63139
Газета отпечатана в типографии издательства "Белорусский дом печати" 220041, г. Минск, пр. Скарыны, 79
Зак. № 1909

Тираж 20000 экз.

М. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
П. 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12